ПИОНЕР

АПРЕЛЬ Издательство „Правда". 1949 г. 4

№ 4
АПРЕЛЬ
1949 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Пионеры столицы приветствуют делегатов XI съезда ВЛКСМ

Вместе с прославленными стахановцами, Героями Советского Союза, инженерами, учителями на съезде присутствовали лучшие представители школьников. Вы видите здесь Раю Оводенко, ученицу 10-го класса Брянской средней школы № 2 Ворошиловградской области.

XI СЪЕЗД КОМСОМОЛА

Вместе с весной прибыли они в Москву — посланцы девятимиллионной комсомолии. Вместе с лучами яркого весеннего солнца влились под своды величественных залов Большого Кремлёвского дворца звонкие молодые голоса, зазвучали радостные песни юности.

И казалось, раздвинулись стены. Молодость мира, юность страны пришла сюда поведать Родине, большевистской партии, рассказать родному отцу своему Иосифу Виссарионовичу Сталину, как живёт она, как борется, чего достигла. А потом подумать и решить: как дальше работать комсомолу, чтобы ещё лучше оправдывать надежды народа, чтобы год от года подрастала и закалялась в комсомольских рядах молодая гвардия строителей коммунизма.

...Вторник, 29 марта. Стрелка часов приближается к пяти. В огромном зале заседаний Верховного Совета Союза ССР заполнены все места. На съезде много гостей. Тут представители молодёжи столицы, стахановцы московских заводов и фабрик, школьники, студенты; тут делегаты от демократических молодёжных организаций многих стран земного шара.

Ровно в пять на трибуну поднимается секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ тов. Н. А. Михайлов.

— Много раз, — говорит он, — в трудные и радостные минуты каждый из нас мысленно обращался к товарищу Сталину, черпал в его словах новые силы, энергию, волю к победе. К товарищу Сталину, нашему вождю, учителю, отцу обращаем мы сегодня наше первое слово!

И в едином порыве, движимые могучим велением сердца, поднялись делегаты, поднялись гости. И долго звучали провозглашаемые на всех языках народов Советского Союза здравицы в честь товарища Сталина, в честь великой большевистской партии, вырастившей и выпестовавшей комсомол.

Девять дней продолжался XI Всесоюзный съезд Ленинско-Сталинского комсомола. Он заслушал и обсудил отчётный доклад Центрального Комитета ВЛКСМ, сделанный тов. Н. А. Михайловым. О работе комсомола в школе доложила съезду Т. И. Ершова. Съезд решил, какие изменения нужно внести в Устав ВЛКСМ. В заключение делегаты съезда избрали Центральный Комитет

Среди делегатов Украины на съезде присутствовали молодогвардейцы: Радий Юркин, Георгий Арутюнянц и депутат Верховного Совета УССР Ольга Иванцова.

комсомола и Центральную ревизионную комиссию ВЛКСМ.

От первой до последней минуты вся работа съезда была пронизана чувством благодарности к большевистской партии за всё, что делает она для воспитания подрастающего поколения, стремлением оправдать её высокое доверие. Каким радостным волнением забились сердца делегатов, когда узнали они, что Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) прислал приветствие съезду. Они поднялись со своих мест и, стоя, в торжественной тишине, выслушали слова приветствия:

«Ленинский Комсомол — передовой отряд советской молодёжи, надёжный резерв большевистской партии и её верный помощник. Выпестованный и руководимый партией Ленина — Сталина Коммунистический Союз Молодёжи прошёл большой и славный путь, вырастил и воспитал миллионы советских патриотов, активных строителей коммунистического общества...»

Делегаты вслушивались и вдумывались в каждое слово приветствия, и, будто освещённый ярким лучом прожектора, открывался перед ними путь, которым должен идти боевой комсомол к новым успехам, к новым вершинам:

«Теперь, когда советский народ решает великие задачи строительства коммунизма, ещё более вырастает роль Комсомола в деле коммунистического воспитания молодого поколения. Комсомол должен воспитывать среди молодёжи бесстрашных, бодрых, жизнерадостных, уверенных в своих силах, готовых преодолевать любые трудности бойцов за свободу и честь нашей Родины, за дело партии Ленина — Сталина, за победу коммунизма...»

О том, как выполнить этот наказ большевистской партии, шла речь и в докладах и в выступлениях делегатов.

Те из вас, ребята, кто следил за работой съезда, знают уже, что с особым вниманием, с особой тщательностью и в докладах и в выступлениях разбиралось, как лучше воспитывать комсомольскую смену — школьников, пионеров.

— За время после X съезда ВЛКСМ пионерская организация окрепла, выросла в два раза и объединяет сейчас свыше 13 миллионов школьников. Пионерские отряды и дружины являются хорошими помощниками и опорой учителей...

Так докладывал съезду тов. Н. А. Михайлов. Но не только об успехах говорил он. Ведь в работе с пионерами есть крупные недостатки. Бывает, что в отрядах редко проводятся игры, соревнования, но зато много собраний, заседаний. Бывает, что пионерский сбор превращается в обычное классное собрание, — а этого нельзя делать.

Чтобы правильно поставить пионерскую работу, съезд решил лучших, культурных, образованных комсомольцев посылать на работу вожатыми. Комсомольским организациям съезд предложил добиться, чтобы в каждом отряде, каждой дружине ключом била интересная жизнь, чтобы проводились увлекательные сборы, смелые походы, занимательные экскурсии, соревнования.

Когда съезд перешёл к обсуждению вопроса о работе комсомола в школе, перед делегатами развернулась яркая картина того, как партия и советское правительство заботятся о воспитании и образовании подрастающего поколения. Огромная сумма — 60 миллиардов рублей! — отпущена в нынешнем году советским правительством на народное просвещение. Будут построены новые школы, обучены ещё десятки тысяч учителей. Повсеместно будет вводиться обязательное семилетнее обучение. Ничего не жалеет советская Родина для своих ребят.

Иное в капиталистических странах. В США, например, в 1948 году на народное просвещение было отпущено 250 миллионов долларов, а на военные расходы в 72 раза больше — 18 миллиардов!

Чтобы достойно ответить на заботу коммунистической партии и советского правительства, комсомольским организациям надо добиваться, чтобы школьники получали глубокие, прочные знания, надо лучше руководить пионерами, помогать учителям в их благородном труде.

— Пионерская организация Советского Союза носит имя великого Ленина. Комсомол сделает всё для того, чтобы воспитывать детей в духе верности ленинским заветам, готовности к борьбе за дело Ленина—Сталина.

Так говорилось в докладе тов. Ершовой, так решил съезд.

И ещё раз обратились делегаты съезда к вопросу о работе пионерской организации, когда обсуждали они, какие изменения следует внести в Устав ВЛКСМ. Съезд решил дополнить Устав специальным разделом «О пионерской организации».

Вот уже несколько лет в комсомол принимают подростков с 14 лет. Теперь это закреплено Уставом. Каждый пионер, каждый школьник, когда ему исполняется 14 лет, получает право вступить в комсомол. Но для этого надо хорошо учиться, честно выполнять свои пионерские обязанности.

На последнем заседании съезд принял из рук Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР тов. Н. М. Шверника орден Ленина, которым комсомол был награждён в день тридцатилетия. Принимая орден, делегаты съезда от имени всех комсомольцев, от имени всей молодёжи Советского Союза обратились с письмом к дорогому товарищу Сталину. Они дали клятву великому вождю по-ленински, по-сталински жить, учиться, работать, бороться и побеждать.

«Любовью к Вам и верностью Отчизне
Живёт и дышит молодость страны!
Товарищ Сталин!
Солнцем Вашей жизни
Все уголки земли озарены!»

Эти слова письма повторяли вместе с делегатами съезда миллионы юношей и девушек Советской страны, которые во все дни, что работал съезд, обращались своими мыслями и думами к Кремлёвскому дворцу.

Внимательно следили за работой съезда и юные пионеры. Их чувства, их мысли высказала московская школьница Светлана Жильцова. Приветствуя съезд от имени пионеров и школьников столицы, Светлана сказала:

— Мы, пионеры, торжественно обещаем Ленинско-Сталинскому комсомолу, большевистской партии, родному Иосифу Виссарионовичу Сталину учиться хорошо и отлично. Обещаем вырасти образованными, культурными, сильными, смелыми, пламенными патриотами нашей великой Родины.

Каждый пионер делом постарается подкрепить эти большие слова.

Приближается самый ответственный период в году — дни экзаменов и переходных испытаний. Надо напрячь всю волю, энергию, силы, чтобы хорошими и отличными отметками ответить на решения XI съезда ВЛКСМ, на заботы большевистской партии и вожатого пионеров — Ленинско-Сталинского комсомола!

Это знамя с вышитыми на нём словами привета передала XI съезду комсомола делегация демократической молодёжи освобождённых районов Китая. В перерыве между заседаниями делегаты съезда рассматривают знамя.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО СУВОРОВЦА

Евг. Коковин

Рис. Б. Винокурова

В субботу капитан Пластинин сказал Лёне:

— Если хочешь, завтра можешь получить увольнение. Посмотри город. Можно сходить в кино или в театр.

Сам Лёня не решался просить отпуск, хотя другие воспитанники каждое воскресенье днём уходили в город. Лёня боялся, что ему будет отказано. Прежде всего правом увольнения пользовались отличники. А у Лёни хотя и были по всем другим предметам пятёрки, он всё же отставал по физической подготовке. Кроме того Лёня был новичком в Суворовском училище.

Но пойти в город ему очень хотелось. Все будут смотреть, как он в форме, подтянутый и важный, пойдёт по улице и станет отдавать честь офицерам. Конечно, в сто раз было бы интереснее пройти по своему, родному городу. Но наступит и такой день. Это будет, когда Лёня приедет домой на летние каникулы.

Пойти в увольнение оказалось не так-то просто. Во-первых, нужно было пришить новый подворотничок, начистить пуговицы у шинели и вообще привести себя в полный порядок, чтобы было заметно: это идёт военный человек, настоящий суворовец. Во-вторых, требовалось показаться старшине.

Но и это — ещё не всё. Отправляющиеся в город суворовцы выстраиваются, и их осматривает дежурный по роте офицер-воспитатель.

Наконец осмотр закончен. Личный знак — право на выход из училища — в кармане. Лёня, Володя и Алёша Белкин очутились за воротами.

Они шагали по широкой главной улице города, чувствуя на себе восхищённые взоры прохожих. Лёня всё ждал, когда им встретится какой-нибудь офицер. Но, удивительное дело, офицеров нигде не было видно.

У Лёни были деньги — целых десять рублей. И он предложил пойти в кино на дневной сеанс. Денег хватило не только на билеты, но и на мороженое.

Словом, первая часть городского отпуска прошла довольно интересно. Когда мальчики вышли из кинотеатра, у них оставалось до возвращения ещё два часа.

— Пойдёмте на берег, к затону! — сказал Алёша.

На берегу в самом деле можно было весело провести время. Тут оказалось множество камешков самой разнообразной формы. Бросать их в реку, — кто дальше, — чудесное развлечение.

Здесь почти никого не было, и друзья чувствовали себя вольготно.

Река чуть рябила, бесчисленными блёстками отражая солнечные лучи. Ласточки взмывали над водой, стремительно бросались вниз и, ухватив какую-нибудь мошку, уносились с добычей к высокому противоположному берегу, к своим гнёздам.

Распустив за трубой пышный дым, по реке прошёл буксирный пароход.

Алёша Белкин затеял состязание — бросать камешки в цель. Потом он нашёл где-то круглый лист жести, который при броске летал, словно планёр.

Приближался срок возвращения в училище.

— Пойдёмте,— сказал Володя, счищая с шинели песок.— А то ещё опоздаем.

Алёша в последний раз метнул свой «планёр». Жестянка взвилась высоко-высоко и стала плавно и косо опускаться в сторону низенького домика, стоящего невдалеке от берега.

Сердца у ребят похолодели. А вдруг в стекло?!

Не достигнув земли, диск скользнул по горизонтали и... дзинь!— врезался в стекло маленького окошечка.

— Тикай! — крикнул Алёша и побежал.

Лёня бросился за ним.

И только Володя Охотников остался на месте.

Чудак! Ведь его задержат, и им всем попадёт и тут и в училище!.. Лёня оглянулся. Да, действительно, Володя как будто бы и не собирался убегать. Лёня услыхал требовательный володин голос:

— Стой! Я говорю: стой! Назад!..

Лёня в нерешительности остановился, не зная, что ему делать,— бежать дальше или вернуться к Володе.

И он вернулся. Володя был очень рассержен.

— Куда побежали?! Струсили? А может быть, это мы у какой-нибудь старушки стекло разбили! Может быть, у неё и денег на новое стекло нет!

Вернулся и Белкин:

— Так ведь не нарочно разбили. Нечаянно!

— Никто и не говорит, что нарочно.

Из домика вышел мужчина и быстрым шагом направился к мальчикам.

— Кто разбил стекло?! — сердито спросил он.

Сказать по правде, Лёня перепугался. И зачем это Володя остался? Ведь так легко было убежать!

— Мы разбили,— сказал тихо Володя.— Только мы не нарочно. И вы не беспокойтесь, дядя. Мы заплатим.

— Знаем, как вы заплатите!

— Мы заплатим,— повторил Володя.— Разбили,— значит, и заплатим. Мы понимаем...

Но тут мужчине, видимо, показалось, что притихшие ребята собираются улизнуть. Он схватил Володю за плечо:

— Не удерёшь!

— Отпустите меня!—крикнул Володя.— Никуда я не убегу!

Вокруг стали собираться любопытные.

— Эх, а ещё суворовцы!

За Володю вступился человек в спецовке, видимо, рабочий из затона:

— Отпустите! Чего вы его держите? Никуда он не убежит. Ясное дело: нечаянно разбили.

Вскоре подошёл милиционер.

— Подождите, гражданин,— сказал он хозяину домика,— сейчас разберёмся. Ребята, вы разбили стекло?

— Мы,— ответил Володя.— И мы завтра заплатим. Я уже говорил...

— Нет,— запротестовал хозяин домика, — платите сейчас. Знаем мы это завтра! Отпусти вас — и никакого стекла не увидишь!

Милиционер колебался, не зная, как поступить.

— Не обманете? — спросил он, пытливо оглядывая всех трёх друзей.

— Честное слово суворовца! — твёрдо сказал Володя.

Это было сказано так убедительно и с таким достоинством, что милиционер тут же принял решение. Он понимал, что честное слово суворовца — это, конечно, не пустое слово.

Он записал фамилию Володи и отпустил их.

Мальчики возвращались домой в самом мрачном настроении.

Володя дал слово уплатить за разбитое стекло, а денег у него не было. Но как он мог поступить иначе?

Не было денег и у Алёши.

У Лёни, правда, ещё были деньги, оставленные мамой, но они хранились у офицера-воспитателя, как это и полагалось по правилам Суворовского училища. Сегодня капитан Пластинин и так уже выдал Лёне крупную сумму — десять рублей. Попросить ещё? Но что сказать — для чего эти деньги? Ведь не скажешь, что нужно уплатить за разбитое стекло!

В училище мальчики по всем правилам доложили о своём возвращении дежурному офицеру. После обеда они долго шептались в коридоре, мучительно стараясь что-нибудь придумать. Но ничего не придумывалось.

— Не нужно было говорить фамилию!— сокрушался Белкин.

— Я дал слово,— сказал Володя.

Всё заключалось в этом: дано честное слово суворовца! Теперь оставалось только одно-единственное — достать деньги и уплатить. Иного выхода не было, потому что слово есть слово, и если оно дано, выполни его. Это — дело чести.

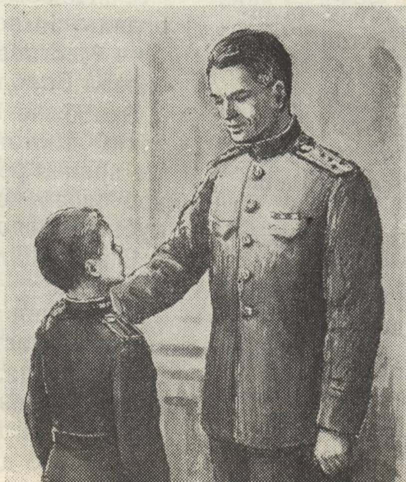
Между тем денег достать было негде, и положение казалось совершенно безвыходным.

Вечером, укладываясь спать, Лёня долго раздумывал о том, что вот пройдёт ночь и наступит срок сдержать честное слово. Конечно, стекло разбил не он, и честное слово дал тоже не он. Но Лёня был вместе с Володей и с Белкиным. Они его товарищи, и они все вместе в ответе. Честное слово Володи — это и его слово. Если завтра деньги не уплатить, об этом, пожалуй, станет известно всему городу. И тогда будет запятнана честь Суворовского училища. Нет, этого допустить нельзя!

Утром Лёня решительно заявил товарищам:

— Я пойду к капитану.

Перед дверью канцелярии Лёня в нерешительности остановился. Что́ же он скажет капитану? Хочется купить книгу? Но ведь книги имеются в библиотеке. На билет в театр? В театр можно пойти в субботу или в воскресенье, а сегодня понедельник. Кроме того Лёня не знал, сколько стоит стекло.

Он уже хотел вернуться, чтобы посоветоваться с Володей. Но тут дверь отворилась, и из канцелярии вышел капитан Пластинин.

— Ты ко мне?

— Так точно, товарищ капитан, к вам!

— Что-нибудь случилось?

Лёня молчал. И вдруг пришла простая и смелая мысль: «А что если всё рассказать капитану? Ведь это, по крайней мере, будет честно».

— Случилось,— сказал в волнении Лёня.

И он, краснея и всё время думая о том, как к этому отнесётся капитан, рассказал обо всём, что произошло вчера.

— Охотников дал честное слово суворовца,— закончил он.— А деньги мне не нужны. Вот я и пришёл...

Сердится или не сердится офицер-воспитатель, этого никак вначале не мог понять Лёня.

— Да-а, натворили дел,— сказал Пластинин, хмуря брови.

Лёне стало не по себе. Волнуясь, он начал сбивчиво объяснять капитану:

— Только вы не подумайте, товарищ капитан... мы не нарочно. Играли — и вот тут это стекло... Но главное, честное слово дали. Теперь уж...

— Да, теперь уж...— весело повторил капитан Пластинин. — Слово должно быть твёрдым. Ничего не поделаешь. Придётся вам помочь. А то ведь позор будет.

— Позор,— согласился Лёня.

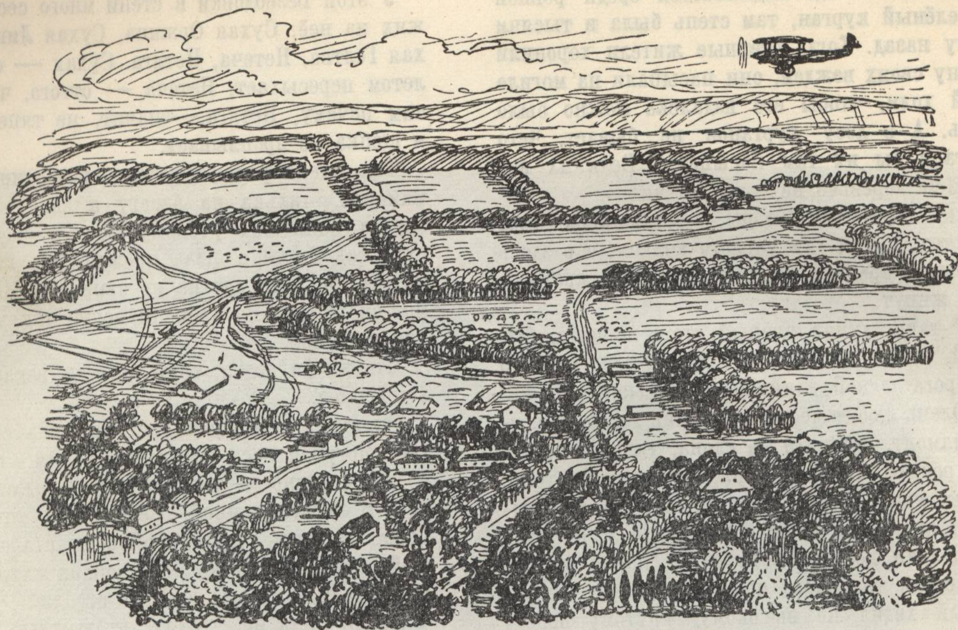
— Хорошо, иди на занятия. А я помогу вам. Не беспокойтесь! Честное слово будет выполнено. Попросим нашего столяра вставить стекло.

— Только сегодня бы, товарищ капитан. Мы обещали всё сделать сегодня. Вы столяру отдайте мои деньги.

— Хорошо, сделаем сегодня. Иди.

Капитан вернулся в канцелярию, улыбаясь. Да, мальчики совершили проступок. Но они честно признались в этом. Они дорожили своей честью и честью училища.

В тот же день столяр Ефимыч вставил новое стекло в маленьком домике на берегу реки.

Рассказ о старом учёном и о злом ветре-суховее

М. Ильин и Е. Сегал

Рис. В. Цельмера

В прежние времена — в конце прошлого века — жил у нас в стране великий учёный. С виду он казался старым, потому что у него была большая седая борода. Но держался он прямо, и глаза у него были зоркие. Эти глаза умели видеть то, что не всякий увидит.

Много тысяч километров прошёл и проехал учёный по нашей стране, изучая её леса, степи и горы.

Особенно часто он бывал в степи.

Учёный бродил по сухой, колючей траве и думал: отчего весной здесь воды хоть отбавляй, а летом, когда она нужнее всего, её нехватает?

Весной везде бегут по полям и оврагам весёлые ручьи. Едва успеет сойти снег, как степь покрывается цветами. Цветы сменяют друг друга. Степь делается то лиловой, то голубой, то красной.

А летом она становится некрасивой, бурой, потому что трава выгорает от жары. В полях сохнут колосья, им нечего пить. А тут ещё приходит из пустыни злой ветер-суховей. Он сжигает своим дыханием хлеб на полях, заставляет сворачиваться в трубку листья на кустах. В стране начинается голод. Ведь степь кормит своим хлебом много-много людей.

Вот что думал учёный, бродя по степи.

Он любил свою родину и хотел избавить её от засухи, от голода. Но для этого надо было сначала понять, откуда взялась засуха и как её победить.

Учёный спрашивал стариков в сёлах:

— Всегда ли степь была такой, как сейчас?

И они отвечали:

— Всегда. И при дедах и при прадедах наших так было.

Старый учёный только покачивал головой.

«Нет,— думал он,— тут что-то не так. Всё на свете меняется. Значит, и степь была когда-то другой».

Какой же она была?

Чтобы это узнать, надо было научиться шагать по годам и векам не хуже, чем по земле. Учёный не был волшебником из сказки. Он просто был умным и знающим человеком. Он понимал, что пройти тысячу лет по дороге времени труднее, чем пройти тысячу километров. Но это было нужно для науки. И учёный сумел этому научиться.

Он приглядывался в степи ко всему: к зверям и птицам, к оврагам и рекам, к цветам и травам. Он замечал каждую кротовую норку, давно брошенную кротом и засыпанную землёй. Он внимательно всматривался в далёкую, уходящую цепь холмов-курганов.

Учёный знал: где поднимается среди ровной степи зелёный курган, там степь была и тысячи лет тому назад. Когда степные жители хоронили в старину своих вождей, они насыпали на могиле высокий холм, чтобы его издалека можно было заметить. А в лесу курганов не бывает. Чего ради стали бы их там насыпать? Ведь их всё равно из-за деревьев не было бы видно.

Старые кротовые норы, оставшиеся под землёй, тоже были для учёного знаком, что здесь и в древние времена была степь. Ведь кроты в лесу не живут.

И всё-таки, думал учёный, степь не всегда была голой, безлесной. Ведь вот же находят глубоко в земле рога оленей, длинные, загнутые клыки мамонта. Олень любит места, поросшие лесом. И косматый мамонт, похожий на слона, только гораздо больше ростом, тоже не жил в открытой степи.

Значит, ещё до того, как в степи стали насыпать курганы, там росли большие леса. От этих лесов уцелели кое-где остатки — словно лесные острова среди травяного моря.

Учёный ходил по высокому, крутому берегу степной речки Безводовки и удивлялся: кажется, не широка река, узкой ленточкой струится она где-то внизу, а какую широкую и глубокую дорогу прорыла она себе в степи! Вон как далеко другой берег. Речная долина для этой Безводовки всё равно, что слишком просторное платье с чужого плеча.

Учёный нагибался и поднимал гальку, гладкую и закруглённую, как обмылок. Кто её так обмыл, обточил? Конечно, река, больше некому. Но река ведь течёт глубоко внизу. Как же попала сюда, наверх, эта галька и ещё много других таких же галек?

Видно, вода в реке стояла когда-то гораздо выше, чем сейчас.

Это было очень давно — ещё раньше, чем люди дали реке имя. Разве назвали бы они глубокую, полноводную реку Безводовкой?

У этой Безводовки в степи много сестёр, похожих на неё: Сухая Оржица, Сухая Липянка, Сухая Голтва, Нетеча, Нетяга. Сухая — оттого, что летом пересыхает, Нетеча — оттого, что и течь там нечему, Нетяга,—значит, не тянет: по ней и щепка не проплывает.

Так имена рек, курганы, кротовины, клыки мамонта, галька на берегу и ещё много-много других понятных учёному знаков рассказывали ему, какой степь была прежде. Его глаза умели видеть то, чего другие не замечают. Оттого-то и мог он шагать по времени почти так же хорошо, как по земле.

Что же он видел, когда шёл по векам назад — в прошлое?

Он видел, что прежде степь была совсем другой. Могучие леса поднимались там, где теперь и одно деревцо — редкость. Реки были полноводнее. В нераспаханной, нетронутой степи земля была покрыта густым войлоком старой, истлевшей травы. А сквозь этот войлок каждой весной прорывались новые, зелёные стебли.

Степь тогда не страдала от жажды. Лес весной не давал снегу чересчур быстро таять и стремглав убегать в реки. Талая вода день за днём впитывалась в почву. Густой травяной войлок, как губка, всасывал воду и берёг её на лето. Оттого-то и вырастала в степи трава по грудь человеку.

Но люди вырубили леса почти сплошь. И некому стало защищать снег от горячих лучей солнца.

Люди распахали степь, и земля осталась без своей одежды из травяного войлока.

Снег стал быстрее таять, быстрее сбегать в реки. А в реке вода тоже не оставалась на месте, она уходила дальше к морю, где и без того воды вдоволь.

Весело бежали ручьи. Но невесело от этого становилось людям. Ручьи уносили с собой не только воду, но и землю, комки и пылинки почвы.

Ручьи не воровали потихоньку, а грабили открыто, на глазах у всех.

В почве есть вещества, которые нужны растениям не меньше, чем еда человеку. А ручьи растаскивали эту драгоценную пищу, засоряли ею реки. Реки тащили, что могли, дальше к морю.

Морским травам это было, конечно, выгодно. А траве и колосьям, которые росли на земле, приходилось плохо: им меньше оставалось еды.

Учёный бродил по сухой, колючей траве и думал.

И. С. Сорокин

А. С. Попов демонстрирует адмиралу Макарову первую в мире радиоустановку.

Так выглядит Каменная степь теперь.

Ручьи бежали по бороздкам, по рытвинкам и делали их всё глубже, прорывали себе русло. Смотришь, бороздка превратилась в глубокую промоину, а промоина — в овраг. Всё шире делался овраг, всё круче были его бока. Целое лето сосал овраг воду из полей, а ведь воды и без того нехватало для ржи и пшеницы.

Прежде лес, как могучая стена, защищал степь от злого врага — суховея. Но после того, как лес вырубили, суховей стал всё чаще заглядывать в степь. А вместе с ним приходил и неурожай. Люди трудились — сеяли и пахали,— а когда надо было убирать хлеб, оказывалось, что хлеба-то нет: засуха сожгла.

Вот что увидел учёный, когда пошёл назад в прошлое — по дороге времени.

Но учёный умел шагать не только в прошлое. Он видел и будущее.

Он верил, что придёт время, когда люди у него на родине станут разумными хозяевами земли.

Они поймут, что лес — их друг, а суховей — враг. Значит, чтобы не пускать суховей на поля, надо загородить ему дорогу лесными стенами.

Искусственный пруд в Каменной степи.

Не рубить лес нужно в степи, где он ещё остался, а насаждать там, где его уже нет.

Придёт суховей из пустыни, а перед ним зелёная, кудрявая стена из дубов, вязов, ясеней. И стена не тонкая, а толстая — во много метров толщиной. Когда станет суховей продираться сквозь стену, зашумит стена всеми своими ветвями, остановит суховей.

Ты знаешь, что в лесу всегда тенисто, прохладно, сыро. Значит, горячий ветер, придя в лес, будет там остывать, делаться не таким сухим и горячим.

Так лесные стены будут защищать поля от их врага — суховея.

Весной лес будет беречь и копить снеговую воду, чтобы она не тратилась сразу, чтобы её и на лето хватало.

Но это ещё не всё. Чтобы избавить степь от засухи, надо загородить овраги плотинами: пусть не сосут воду из земли, пусть сберегают для полей воду.

Так в оврагах появятся пруды. А из прудов можно будет брать воду для полей, для огородов, для бахчей, где растут арбузы и дыни.

Вот что надумал учёный, когда бродил по степям.

Как раз в это время, в 1891 году, случилась в стране небывалая засуха. Хлеб в степи весь сгорел. Крестьянам нечего стало есть.

Люди заваривали кипятком сорную траву лебеду, всыпали немножко муки — ведь каждую горсточку муки надо было беречь — и пекли хлеб.

Люди ели хлеб из сорной травы, а потом болели и умирали.

Не мог старый учёный смотреть спокойно на народное горе, на измученных, голодных людей, которые толпами приходили из деревни в город и просили под окнами: «Подайте голодающим!».

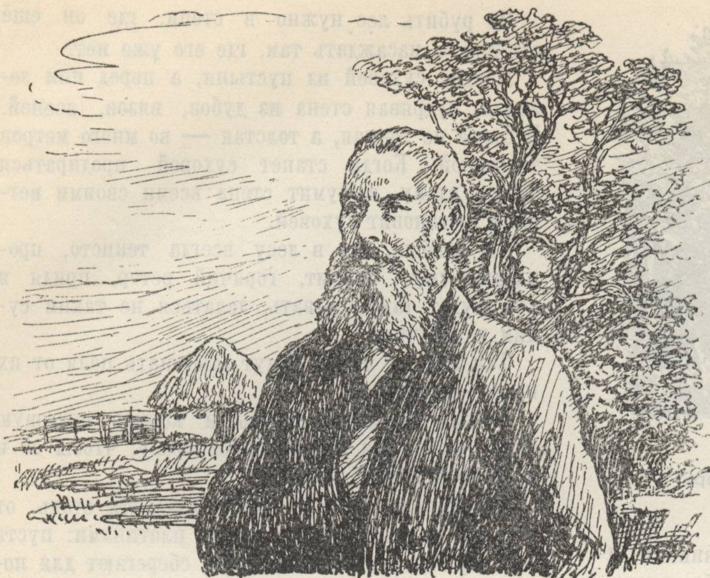
Учёный знал, что сделать, чтобы голод не мог больше повториться.

Он написал об этом книгу, которую назвал: «Наши степи прежде и теперь». В этой книге он говорил, какая степь была прежде, какой она стала и какой она должна быть.

В те времена — как все знают — в России очень много земли принадлежало помещикам. Не было колхозов. Нельзя было, как сейчас, составить план и по этому плану всем народом взяться за перестройку степей.

Каждый помещик хозяйничал, как хотел. Когда помещику нужны были деньги, он рубил у себя в поместье лес и продавал. И никто ему не мог этого запретить.

Из года в год на земле сеяли хлеб. А это было вредно для земли: полям не давали отдыха, пахали и перепахивали их, пока все комки в почве не обращались в пыль.

Василий Васильевич Докучаев. Позади видна хата, в которой жил великий русский учёный.

А комки в почве очень нужны растениям. Комки берегут воду, как посуда. Они хранят, словно кладовые, питательные вещества.

Чтобы в почве были комки, надо вместо хлеба сеять иногда на поле многолетнюю траву. Под травой поле снова на время становится травяной степью. Смотришь, почва оправилась, стала комковатой, и тогда опять можно сеять хлеб.

Но помещикам это было невыгодно. Им гораздо прибыльнее было из года в год сеять хлеб и продавать зерно.

А крестьяне были неграмотные, они не знали, что такое наука о земле, о почве. Да если бы и знали, что могли они сделать на своих жалких клочках земли, которую они ковыряли дедовской сохой?!

У них только и в мыслях было, как бы не помереть с голоду.

Старый учёный писал в своей книге, что плохие хозяева не доведут страну до добра. Он напоминал, что без науки от голода не избавишься. Он говорил помещикам: это — преступление думать только о своей выгоде и идти против науки, против здравого смысла, против того, что нужно всему народу.

В другое время никто бы и не услышал голоса старого учёного. Но тут царские чиновники испугались страшного голода 1891 года. Они дали старому учёному для опытов кусок степи между реками Волгой и Доном. Место это называется Каменная степь. Там суховей был в те времена особенно частым гостем.

Учёный поселился в Каменной степи в маленькой хатке, крытой соломой. Эта хатка и сейчас ещё цела.

В степи началась работа. Там, где указывал учёный, сажали деревья. В оврагах устраивали пруды.

Деревья сажали полосами. А между полосами остались четырёхугольники для полей.

Но дело оборвалось, едва успев начаться. В царской России одни чиновники ведали полями, а другие — лесами. И они никак не могли между собой сговориться.

Старый учёный объяснял им:

— Лесные полосы мне нужны для того, чтобы защищать поля от суховея. Дайте мне деньги на опыты, чтобы можно было вспахать и засеять землю в Каменной степи между лесными полосами.

Но чиновники из лесного департамента говорили:

— Нам нет дела до полей. Мы только лесами ведаем.

А чиновники из департамента земледелия тоже ничего слышать не хотели:

— Нам нет дела до лесов. Мы только полями ведаем.

Год шёл за годом, а чиновники всё не могли между собой столковаться.

А после смерти учёного дело и совсем заглохло.

Но учёный не ошибся, когда говорил, что в будущем люди перестроят степь.

Он правильно предсказал будущее.

То, что было для него будущим, то для нас теперь настоящее.

Если бы вы сейчас побывали в Каменной степи, вы увидели бы, что там всё уже не такое, как когда-то.

Лучше всего было бы, если бы вы отправились туда на самолёте. С самолёта вам сразу бросятся в глаза тёмные лесные стены и четырёхугольные поля между ними. А когда вы спустились бы на землю, вы увидели бы ещё много такого, чего раньше не было.

Где зияли, как открытая рана, овраги, теперь тенистые кусты и деревья наклоняются над прудами. А по прудам плавают стайками гуси. Где была бурая, выгоревшая от солнца трава, теперь высоко колосится отборная пшеница или поворачиваются к солнцу тысячи золотых головок подсолнечника. Жёлтые нивы чередуются с зелёными прямоугольниками, покрытыми многолетней травой.

Здесь всё делается, как велит наука. Суховею сюда вход воспрещён. В самое сухое лето поля,

бахчи, огороды дают здесь людям много пшеницы, ржи, огурцов, арбузов, дынь.

А если бы вы снова сели на самолёт и полетели над степью дальше, вы во многих местах увидели бы лесные полосы, защищающие поля от суховея.

Но это — только начало огромной работы. Теперь по всей нашей стране началось широкое и планомерное наступление на засуху. По Сталинскому плану оно рассчитано на шестнадцать лет. Пройдут года, и теперешние пионеры уже сами будут работать на заводе или в поле. Многие из них станут агрономами — инженерами полей — или лесоводами.

Вместе с миллионами колхозников и рабочих, вместе с тысячами агрономов и лесоводов они будут заканчивать перестройку степей по Сталинскому плану.

А план этот легко сейчас увидеть. Для этого надо развернуть номер «Правды», который вышел 24 октября 1948 года.

Там помещена большая карта, которая занимает целую страницу.

На этой карте внизу Чёрное море, а наверху пятиконечная звёздочка с кремлёвской башней посредине.

Звёздочка — это Москва.

От Чёрного моря почти до Москвы и от реки Урала до Дуная вся карта разгорожена полосками на клеточки. Полоски — это лесные полосы, которые будут защищать от суховея поля.

На карте видны ещё и другие лесные стены, гораздо более широкие. Каждая стена из нескольких лесных полос. И каждая полоса шириной в шестьдесят и даже в сто метров.

Восемь таких многорядных могучих лесных стен пройдут по стране, загораживая дорогу суховеям, защищая поля и реки от засухи.

А сколько ещё будет устроено прудов, сколько оврагов будет засажено по краям деревьями, перегорожено плотинами!

И когда всё это будет построено при вас и с вашей помощью, вы с благодарностью вспомните имя старого учёного — Василия Васильевича Докучаева,— который когда-то бродил по степи и думал, как её переделать.

Осуществление мечты

Даже в самых смелых своих мечтах В. В. Докучаев не мог представить такого грандиозного наступления на засуху, которое намечено в Сталинском плане преобразования природы.

Весь наш народ поднялся в наступление на засуху. Возглавляют его советские учёные.

Перед всяким большим сражением далеко в тыл врага отправляются отважные разведчики, чтобы собрать самые точные, подробные сведения о противнике. Четырнадцать научных институтов Академии наук примут участие в большой комплексной экспедиции. Учёные побывают во всех районах, где должны пройти государственные лесные полосы. Они исследуют климат, почву, гидрологические условия и соберут много других сведений, которые помогут ещё увереннее наступать на засуху.

У молодых деревцов есть два страшных врага: степные травы, которые могут их заглушить, и иссушающий степной зной. Академик Т. Д. Лысенко придумал, как помочь молодому лесу справиться с этими врагами. Он предложил сеять деревья большими гнёздами, расположенными на расстоянии пяти метров друг от друга. В сообществе деревья растут быстрее и дружнее, общими силами они отобьются от степных трав.

Чтобы заслонить молодую поросль от беспощадного солнца, академик Т. Д. Лысенко посоветовал в первый год сеять хлеба вокруг деревцов, сажать картофель, а на второй год вместе с хлебом посеять акацию. Её, конечно, скосят при уборке хлеба, но она разрастётся от корней, займёт всю площадь между гнёздами леса и защитит молодые деревца от солнца и степных трав. А когда дубки подрастут и сомкнутся кронами, акация погибнет в тени.

Гнездовый посев — дело новое. Так будьте же новаторами, ребята, и сейте деревья гнёздами на пришкольном участке или на «бросовых» землях и наблюдайте за их ростом.

Учёные-мичуринцы думают и о том, чтобы лесозащитные полосы подымались скорее, и они уже вывели новые удивительные породы деревьев, дающие прирост до полутора метров в год.

В переделке природы нашей страны принимают участие комсомольцы и вся советская молодёжь, пионеры и школьники.

Вы все знаете о замечательном почине сталинградских комсомольцев: они взяли шефство над государственной защитной полосой Камышин — Сталинград и решили закончить все работы по посадкам леса в 3½ года.

Пионеры и школьники Сталинской области посадят каждый по три фруктовых дерева и не меньше одного гнезда леса.

Это же может сделать и каждый из вас. Беритесь дружно за дело, ребята!

Сюрприз

Рассказ Е. Верейской

Рис. О. Верейского

На весенние каникулы мама отправила Севу и Мишу к своей сестре — тёте Любе, работавшей бухгалтером в большом совхозе.

На маленькой станции их встретила сама тётя Люба. Уже спустились сумерки, в зеленоватом весеннем небе висел тоненький серпик молодого месяца. Тётя Люба усадила мальчиков в широкие розвальни, укутала обоих вместе огромным тулупом, сама уселась в передок саней, дёрнула вожжами, и сани понеслись по звонкой, хрусткой дороге.

После нескольких часов езды в душном вагоне ребят сразу разморило на свежем, упругом весеннем воздухе. Миша задремал, уткнувшись головой в севины колени, а Сева таращил глаза, оглядываясь по сторонам, но не видел ничего, кроме белесоватой мглы, еле освещённой месяцем. Он едва успевал отвечать на расспросы тёти Любы: и как мама, и как папа, и сколько у каждого из братьев в третьей четверти пятёрок.

Потом стала рассказывать тётя Люба.

— А у нас посевная кампания началась,— говорила она, — работы у всех выше горла. Сегодня, до того как ехать за вами, я с утра помогала навоз возить. Завтра начнём пораньше,—надеемся последний вывезти, а то того и гляди — дорога рухнет.

— Почему же навоз?! — удивился Сева. — Разве ты, тётя Люба, не бухгалтер?

Тётя Люба засмеялась:

— Бухгалтер-то бухгалтер, да разве я за своими книгами усижу, когда весна такая ранняя сразу налетела? Сейчас каждая минута дорога.

— Ну, так и мы будем помогать! — весело воскликнул Сева.

— А вы отоспитесь хорошенько, отдохните, погуляйте, а там видно будет. Ну, вот мы и приехали!

Спустя несколько минут мальчики, наскоро поужинав, крепко спали на мягких душистых сенниках в жарко натопленной комнате.

Проснулись они поздно. В доме было тихо. Все давно ушли на работу. На столе стоял приготовленный для них завтрак.

Через несколько минут, дожёвывая на ходу ржаные лепёшки, мальчики выскочили из дому и остановились на крылечке, ослеплённые солнечным блеском, оглушённые неистовым птичьим гамом. Высокое солнце било прямо в глаза и грело, почти как летом. На широкой проталине возле крыльца прыгали, взлетали, дрались воробьи, из лесу доносился дружный крик грачей, а где-то

за домом, не умолкая, кудахтали куры и победно перекликались петухи.

Домик, в котором жила тётя Люба, стоял на самом краю совхозного посёлка, даже немного на отлёте. Направо шла широкая улица, налево дорога уводила в молодой берёзовый лесок. Мальчики взглянули вдоль улицы—на ней не было видно ни души. Все были на работе; ветер доносил издалека людские голоса и звонкий стук кузнечного молота. Снега на улице уже почти не было, кое-где выбивалась прошлогодняя трава, а золотистая от навоза широкая дорога, казалось, вся дрожит от тысячи бегущих по ней струек воды. На разные голоса переговаривались частые капельки, шлёпаясь с крыши в ими же выдолбленный желобок.

— Мишка, айда! — крикнул Сева и, сбежав с крыльца, помчался за околицу, в берёзовый лесок.

Миша бросился за братом. Вприпрыжку, обгоняя друг друга и беспричинно смеясь, бежали они по дороге, ещё крепкой, но сплошь покрытой тонким слоем струящейся воды. Но вот лесок кончился, и они выскочили на широкий, весь сверкающий, залитый солнцем луг.

Странная картина открылась перед ними. Прямая, как стрела, дорога шла по отлогому склону и делила его пополам, выпирая высоким горбом, точно опрокинутое вверх дном корыто. Справа от неё снег осел, растаял, и всё широкое поле казалось сплошным яркосиним озером, по которому бежала мелкая сверкающая рябь.

Плотно утрамбованная дорога, словно плотина, сдерживала эту массу весенних вод, зато слева от дороги снега почти уже не было, по яркорыжим проталинам, извиваясь, как змейки, неслись вниз бесчисленные ручейки. А где-то внизу гулко шумела невидная под снегом весенняя речка.

И всё кругом струилось, и булькало, и звенело. Звенели ручьи, звенели в небе невидимые жаворонки, звенели под ногами хрупкие льдинки, звенел в ушах ласковый, упругий ветер, казалось, само солнце звенит, и поёт, и смеётся.

И городских ребят, впервые в жизни попавших ранней весной в деревню, охватил восторг. Севе вдруг показалось, что и в нём самом всё зазвенело и запело, и неожиданно для самого себя он вскинул кверху руки, поднял голову и побежал навстречу ветру и солнцу, громко крича самое яркое и самое радостное слово, пришедшее в голову:

— Победа! Ура! Ура! Победа!

— Ура! Ура! Победа! — закричал и Миша, привыкший во всём подражать старшему брату, и тоже, вскинув руки, побежал за ним.

Ноги у них уже давно были мокрые, шапки съехали на затылок, щёки пылали, ярко горели глаза.

— Миша, знаешь что? — Сева внимательно огляделся вокруг.—А что если взять да перекопать дорогу? Канаву сделать, а? Вот хлынула бы вода — у-у-у!

— Сева! Давай! Интересно!

— Давай! Сбегаем домой: я видел там в сенях, в углу, лопаты.

Дома попрежнему никого не было, только в кухне возилась старушка-сторожиха.

— Миша! И знаешь что?! Давай никому не скажем, что это мы,—заговорил Сева, когда они с лопатами вернулись на дорогу,—пусть это будет наш сюрприз. Им-то ведь некогда снег счищать, а мы тут как тут! Накопаем канавок, — это поле скоро и очистится. Вот здорово-то будет!

Копать оказалось не так легко: дорога была плотно утрамбована и, постепенно оттаивая, взялась льдом. Мальчики старались вовсю. Они вели свои канавки снизу навстречу воде. Дело подвигалось медленно. Сева был ловок и силён,—и то канавка получалась неглубокая, узенькая, а у Миши шла просто какая-то царапина. И вдруг настал момент, когда севина лопата сразу—легко и быстро — вонзилась в рыхлый снег. Очевидно, у основания дорожного бугра вода уже начала просачиваться. Сева ударил лопатой, целая глыба плотного снега дрогнула, кувырнулась — и вода хлынула в канавку.

— Ура-а! — закричал Сева. — Миша! Смотри! Что делается-то!

Миша бросил лопату и подбежал.

Шумный поток воды хлестнул через дорогу, кружась, бурля, вползая на берега канавки. Вода отрывала куски этих неверных берегов и, вынося их на свободное место, разливалась широким потоком по рыжей проталине и уходила вниз, к невидимой шумливой речке.

— Ну и жара! — воскликнул Сева и, сбросив с плеч ватник, кинул его на руки брату. — На, держи, я ещё расширю канавку!

Он снова крепко ударил лопатой.

И вдруг чьи-то сильные руки схватили Севу сзади за плечи и оттолкнули в сторону.

— Что вы наделали! Вредители! Что вы наделали! — гневно кричал над ним звонкий мальчишеский голос.

Сева повернулся и бросился с поднятыми кулаками на обидчика. Это был невысокий, коренастый мальчуган лет тринадцати. Одним ловким движением он снова оттолкнул Севу так, что тот едва устоял на ногах. Мальчик что-то кричал, но Сева и сам кричал на него, громко ревел Мишка, — и Сева не разбирал, что́ кричит мальчик.

И вдруг, прежде чем Сева успел снова наброситься на него, мальчик выхватил из рук Миши севин ватник и ткнул его в канавку, стараясь остановить бурно хлеставшую воду.

Сева на мгновенье опешил. Миша заревел ещё громче.

— Придерживай лопатой!—прикрикнул мальчик, ожесточённо запихивая ватник. — А то унесёт.

— Ты что, с ума сошёл?! — закричал Сева и вдруг сразу осекся и умолк. Только сейчас дошло до его сознания, о чём кричал мальчик.

— Мы тут под овёс поле готовим, а вы воду спускать!

Сева растерянно остановился.

— Что стоишь? Держи лопатой, говорю,—ведь холодно рукам-то! — кричал мальчик, стоя на коленях перед канавкой и держа обеими руками уже набухший ватник.

Сева бросился поднимать далеко отлетевшую в драке лопату.

— Подай её мне, а сам гони, что есть духу, в совхоз, притащи доску,—распоряжался мальчик.

— А где я её возьму, доску? — пробормотал Сева, подавая лопату.

— Где! Где! Спросишь, кого встретишь. С метр длиной, да пошире. Ну, беги, живо! А ты чего стоишь? — прикрикнул он на Мишу. — Хватай лопату, заваливай снегом.

— Сева! Не уходи! — снова закричал Миша, но Сева уже мчался по дороге к совхозу.

Ветер подгонял его сзади, ноги звонко шлёпали по мокрой дороге, брызги летели во все стороны.

* * *

Тётя Люба пришла домой в обеденный перерыв. Не успела она доесть суп, как треск под окошком привлёк её внимание. Тётя Люба открыла форточку и высунулась в неё.

Прямо под окном Сева, напрягая все силы, отдирал от завалинки щиток из двух широких досок, которым было забито на зиму окошечко в подполье.

— Всеволод! Что ты делаешь?! Зачем дом ломаешь?

Сева поднял голову.

— Тётя Люба! Ты дома! Как хорошо! Можно взять эти доски? Мне нужна доска... Поскорее!— Сева сильно запыхался и говорил с трудом, еле переводя дыхание.

— Зачем доску? И на кого ты похож? Где ты так перемазался?

— Это... Это потому, что драка была... Так можно взять доски?

Сева снова сильно дёрнул, щиток с треском оторвался, и Сева шлёпнулся прямо в выдолбленный капелью желобок.

Тётя Люба бросилась на крыльцо.

— Куда ты? Стой! — она догнала уже волочившего тяжёлый щиток Севу и схватила его за руку.

— Пусти меня, тётя Люба! — закричал Сева.— Мне надо скорей! Там вода уходит!

— Какая вода? Да говори ты толком!

Спеша и путаясь, Сева рассказал всё, как было. Умолчал только о том, где ватник.

— И чему вас там в городе учат? — рассердилась тётя Люба. — Ты что же, не знал, что мы снег нарочно...

— Знал!—перебил её Сева.—В том-то и дело, что знал! Нам же в школе говорили... А вот в ту минуту забыл... Пусти, тётя Люба, надо скорей!

— Беги, беги! Да, смотри, хорошенько запруди, там у нас овёс будет!

Сева побежал, волоча доски, а тётя Люба кричала ему вслед:

— После обеда заберу тебя на навоз! Силу тебе девать некуда! И завалинку сам починишь.

— Хорошо, тётя Люба! — уже весело крикнул Сева, не оглядываясь.

* * *

Четверть часа спустя Сева подходил к своей канавке. Его новый знакомый и Миша, мирно беседуя, сдерживали двумя лопатами плотину.

Увидя Севу, мальчик расхохотался.

— Это вы, значит, сюрприз нам хотели устроить? Ну и ну!

Сева молчал.

— Его зовут Егором, — радостно сообщил Миша.

— Ну и ладно, теперь за дело, — распоряжался Егор. — Ты, Миша, поднатужься и сдерживай плотину пока один, а мы доску приладим. Ну-ка, Севка, обрубай край дороги в воде, чтобы отвесный был. Поставим доски ребром, глиной завалим — вот и ладно будет!

Сева схватил лопату и принялся вместе с Егором мастерить шлюз.

— Понимаешь,—уже совсем миролюбиво объяснил ему Егор,—овёс любит, чтобы в мокрую землю сеяли, а тут очень здорово само получилось: дорога вот так выперла, вода и держится. И вдруг вы со своим «сюрпризом»,—и он снова расхохотался.

На этот раз засмеялся и Сева.

— А ты здесь, в совхозе, живёшь? — спросил он.

— Здесь. Отец мой конюхом работает, а я ему помогаю. И в школе учусь.

— На лошади верхом ездит и нас обещает научить, — объявил Миша, сияя.

— Ты на меня за ватник не сердись, — снова заговорил Егор, таская на лопате большие куски глины с проталины,—очень уж я разозлился, да и воду остановить нечем было. Ничего, высушим, мама отутюжит. А одежонку какую-нибудь пока я тебе найду.

— А мне и не холодно,—весело сказал Сева.

— Сейчас солнце жарит, а вечером будет мороз,—деловито возразил Егор.

— Ну, глядите: чем не плотина? Теперь надо канаву тоже глиной забить.—И, потопав по дороге ногами, он совсем по-хозяйски прибавил:— С неделю ещё продержится дорога, а там сразу рухнет.

* * *

Прошло три месяца. Мальчики проводили летние каникулы снова у тёти Любы. В жаркий июльский день Сева и Егор, оживлённо болтая, шли домой с граблями на плечах: они с утра ворошили сено на лесных полянках. Сзади них плёлся разомлевший от жары Миша.

Горячая дорожная пыль обжигала босые ноги, мальчики сошли с дороги на травку.

— Стой! — Егор вдруг остановился и с лукавой улыбкой посмотрел на Севу: — Узнаёшь место?

Сева оглянулся по сторонам. По одну сторону дороги сплошной стеной стоял высокий овёс... Он уже начал золотиться. Густые, тяжёлые метёлочки на длинных тугих стеблях склонились вниз, словно застыв в неподвижно знойном воздухе. По другую сторону дороги отлого спускался к узенькой речке только что скошенный луг. И в овсе и на лугу оглушительно стрекотали кузнечики. Душно и пряно пахло сеном.

— Овёс-то у нас нынче каков! — с гордостью сказал Егор. — Раздолье будет батькиным коням! Так узнаёшь место, Севка?

— Узнаю! — Сева кивнул головой и кончиком граблей провёл в пыли две параллельные черты поперёк дороги. — Вот тут шли берега нашей канавки.

— А вот тут,— Миша затопал ногами, поднимая тучу пыли, — ты топил севин ватник.

— А вот тут ты в это время стоял и ревел,— засмеялся Егор.

Сева обвёл концом граблей, как циркулем, на дороге широкий круг.

— А зато вот тут, Егор, мы с тобой, крепко-накрепко подружились. Верно?

— Верно! — сказал Егор.

ВЕСЕННИЙ РУЧЕЙ

К солнцу тянутся побеги,
И берёза ждёт грачей...
Возле речки из-под снега
Вылез тоненький ручей.

Замерзать в полях не хочет,
Ищет раннюю весну,
Он бежит и дни и ночи—
И звенит на всю страну.

Льёт серебряные трели,
Щепку в море проводил,
Каплю первую апреля
До Азова докатил.

Пусть бежит и катит льдинки,
Звонкий путь ему везде...
Трактора его тропинки
Спрячут в первой борозде.

Фёдор Белкин

ПЕРВЫЙ ГОЛ

Это было 24 сентября прошлого года. На стадионе «Динамо» решался вопрос, кто будет чемпионом страны по футболу.

Две команды вышли в финал: наша — ЦДКА— и «Динамо». У динамовцев было на одно очко больше, чем у нас. Достаточно было последней встрече окончиться вничью — и команда «Динамо» стала бы чемпионом. А нам, чтобы стать чемпионом, нужно было выиграть матч.

Мне не пришлось самому участвовать в игре. На этот раз я был зрителем. Каково было мне смотреть на моих друзей, на мою команду с трибуны!

Сначала на поле всё шло хорошо, первая половина игры закончилась в нашу пользу, 2 : 1. А во второй половине нашему защитнику Кочеткову не повезло. Он хотел отдать мяч вратарю, а вместо этого забил гол в свои собственные ворота. Конечно, это очень неприятно. Но ошибка может случиться с каждым, даже с таким хорошим игроком, как Кочетков, и у нас в команде существует твёрдое правило: не попрекать друг друга.

Счёт стал 2 : 2. Динамовцы ослабили натиск. Даже их нападающие перешли в защиту. Ничейный счёт означал их победу. А для нас это было поражение. Команда ЦДКА напрягла все силы и буквально «повисла» на воротах противника. Наконец Всеволоду Боброву удалось забить третий— и последний — гол. Так закончился розыгрыш первенства СССР по футболу.

Но победитель не может жить успехами прошлого года. Сейчас мы стоим накануне новых футбольных схваток. И мы упорно готовимся к тому первому голу, который, я надеюсь, мы забьём 2 мая, в день открытия сезона.

Весной, как и обычно, мы выехали на юг. В марте, когда в Москве ещё лежал снег, в Сухуми уже было тепло, можно было играть. Вместе с нами на этот раз приехал Леонид Белов, наш новый игрок. Ему 18 лет. Ещё в прошлом году он выступал в юношеской команде, а теперь будет играть в команде мастеров. Зимой он хорошо выступал вместе с нами в хоккейных матчах. В основном же наша команда осталась прежней. И вот казалось бы, что таким опытным игрокам, как Василий Соколов, Кочетков и другие, не нужно учиться играть с мячом. У каждого из них за плечами много побед. Но, представьте себе, что, приехав в Сухуми, мы долгое время не играли в футбол, а тренировались «в квадрате». Что это значит? А вот что: четверо игроков передают друг другу мяч, а

Здесь запечатлён момент ожесточённой борьбы между командами ЦДКА и «Динамо» в матче на кубок СССР по футболу в прошлом году.

двое отнимают. Эта игра позволяет лучше отрабатывать технику «обводки», учит точно передавать мяч партнёру, быстро останавливать мяч.

Наши тренировки совсем не такие, как их представляют себе некоторые мальчики: они думают, что мы только и знаем, что играем в футбол. Я знаю мальчиков, которые действительно с утра и до ночи гоняют мяч и, только уж когда на улице стемнеет и мяча не видно, идут домой, совершенно обессиленные и усталые. Но такая тренировка приносит только большой вред. И если бы мы так тренировались, то никогда не завоевали бы первенства.

Мы устраиваем прогулки, восхождения на горы, плаваем, делаем по утрам зарядку. Конечно, очень много занимаемся бегом. Посмотрите, какой огромный футбольный стадион, как много приходится бегать футболисту! Он должен быть необычайно выносливым человеком и, конечно, должен бегать быстрее своих противников.

Но есть у нас ещё один вид тренировки (если только это можно назвать тренировкой), который многим ребятам покажется странным. Вот за столом сидят все наши футболисты, а перед ними на столе чертёж футбольного поля. И всё, что потом произойдёт на настоящем стадионе, происходит предварительно здесь, на листе бумаги. Наш тренер Борис Андреевич Аркадьев часто говорит, что даже в самой жаркой схватке футболист должен хорошенько думать. И вот, сидя за столом, мы придумываем новые комбинации, интересные маневры. Словом, готовим своим будущим противникам кое-какие неожиданности. При этом мы изучаем и их тактику. Я считаю, что наиболее опасные противники для нас — московские футболисты: динамовцы, спартаковцы, молодая команда Военно-Воздушных Сил, которая в прошлом году играла очень хорошо.

Когда вы будете читать эту статью, наша весенняя тренировка будет подходить к концу. А для многих из вас, живущих в более прохладных местах, чем Сухуми, она ещё только начнётся. Вот вам мои советы: делайте по утрам зарядку, учитесь бегать, больше бывайте на свежем воздухе. Когда подсохнет, начните тренировку «в квадрате», а потом уже переходите к настоящей игре. Да помните, что больше двух таймов в день, то есть одного матча, футболисты не играют!

Желаю вам успеха, ребята! Надеюсь, что первый гол будет забит непременно в ворота ваших противников.

Г. И. Федотов,
заслуженный мастер спорта, центр нападения футбольной команды ЦДКА

НАД ПЛАНКОЙ

Я всегда любил прыжки и в школе ещё в 6-м классе считался хорошим прыгуном. В высоту я начал прыгать самым простым способом — «перешагиванием», или, как ещё называют этот способ, «ножницами».

Однажды, когда я тренировался на Стадионе юных пионеров, наш тренер, заслуженный мастер спорта Владимир Михайлович Дьячков сказал мне:

— Вы прыгаете хорошо, но можете достичь лучших результатов.

И он посоветовал мне попробовать переходить планку боком, способом «переката». Владимир Михайлович сказал, чтобы я попробовал отталкиваться по-другому, чем я делал это прежде. Вот, представьте себе, прыгун стоит боком, и одна его нога ближе к планке, а другая дальше. Он отталкивается от земли той ногой, которая подальше от планки, а другую ногу, ближнюю, первой заносит над планкой. Так прыгал я раньше. А тут я должен был сделать по-другому: оттолкнуться ближней ногой и закинуть дальнюю.

Этот стиль принёс мне 10 дополнительных сантиметров. Потом я стал изучать «перекидной» способ прыжков. Он отличается от переката тем, что прыгун перелетает через планку не боком, а грудью и животом. После тренировки я стал брать этим способом высоту в 1 метр 80 сантиметров. Это рекорд нашего общества.

Однако не думайте, что мои занятия однообразны: добежал до планки — и прыгнул, разбежался — и снова прыгнул. Мой «стадион» бывает и в лесу и в поле. Вот я иногда намечу себе какую-нибудь высокую ветку на дереве и ставлю себе задачу — допрыгнуть до неё. Была у меня одна очень «трудная ветка», я пятьдесят раз прыгал, никак не мог достать её. Но потом всё-таки сорвал.

Кроме того я занимаюсь бегом, волейболом, катаюсь на велосипеде и плаваю. Ну и, конечно, прыжки. И не только в высоту, но и в длину. Смешно было бы встретить человека, который умеет прыгать высоко, а перед узкой канавой останавливается в нерешительности. Я сейчас на-

учился брать канаву в шесть с половиной метров. Это далеко не лучший результат, многие спортсмены прыгают гораздо дальше. Но всё же шесть с половиной метров — это маленькая речушка, это, может быть, даже небольшой противотанковый ров. Вот представьте себе, каково солдатам брать противотанковый ров: надо спускаться на дно, потом подниматься по отвесной стене. И ведь всё это приходится делать под огнём врага. А тренированный спортсмен может этот ров взять одним прыжком.

Я сейчас увлекаюсь тройным прыжком. Это очень интересный вид прыжков. Он состоит, как говорит самое его название, из трёх прыжков, они непрерывны, и один вытекает из другого: сначала прыжок в длину с приземлением на ту же ногу, которой оттолкнулся, тут же прыжок-шаг и затем третий прыжок, когда прыгун приземляется на обе ноги. 14 метров — вот мой результат в тройном прыжке. Конечно, самый трудный прыжок — это второй, затяжной. Трудно сделать его длинным. Ведь сила разбега уходит на первый прыжок, и только при очень резком и сильном разбеге можно сделать широкий прыжок-шаг. Поэтому мы очень много занимаемся бегом на короткие дистанции. У нас не бывает такого времени в году, когда бы мы не тренировались. Это раньше люди называли весну и осень «межсезоньем». А у нас, советских легкоатлетов, спортивный сезон длится круглый год. Меняется время года, иногда место наших занятий, костюм, но мы не прекращаем своих занятий. Весна, по-моему, — очень благоприятное время для спорта. Скажу даже больше: без весенних кроссов не достигнешь летом хороших результатов в прыжках.

Поэтому, ребята, я советую вам, не только прыгунам, но и всем ребятам, хорошенько использовать весну: совершать пробежки, небольшие кроссы, пешеходные прогулки. А если в этих прогулках вам встретится, так же как мне, какая-нибудь трудная ветка, — постарайтесь её достать. Ведь без настойчивости и упорства ничего нельзя достигнуть.

Борис Нафтулин,

студент 3-го курса Высшего технического училища им. Баумана, чемпион ВЦСПС в тройном прыжке

Я ЛЮБЛЮ ВСЕ ВИДЫ СПОРТА

Я всегда очень любила спорт, любила бегать, прыгать, играть в лапту, салки и другие подвижные игры. Но я, конечно, никогда и не мечтала, что так скоро стану мастером спорта по лёгкой атлетике. В прошлом году я попробовала свои силы в соревнованиях по лёгкой атлетике и добилась таких результатов, которых и сама никогда не ожидала. С этого времени я стала по-настоящему заниматься спортом. Помог мне выбрать путь мой тренер Б. В. Тахтаров.

Сейчас в таблице рекордов Советского Союза для девушек младшего и старшего возраста мне принадлежит шесть рекордов. Моё самое большое достижение — прыжок в длину на 5 метров 59 сантиметров. Это всего на 21 сантиметр меньше рекорда нашей страны для женщин.

100 метров я пробегаю за 12,5 секунды, быстрее, чем требуется от взрослого тренированного мужчины при сдаче норм ГТО второй ступени. Но мне кажется, что я смогу бегать быстрее, если овладею спортивной техникой.

Я тренируюсь каждый день и чувствую, как бег становится легче, непринуждённей, ритмичней и стремительней. Внимательно слежу я за правильностью дыхания: это очень важно для спортсмена. Кроме того занимаюсь гимнастикой, играю в баскетбол и очень люблю лыжные прогулки.

В Тбилиси снег выпадает редко и под первыми лучами солнца тает. Здесь на лыжах не пойдёшь. Но недалеко от нас есть небольшой высокогорный посёлок Бакуриани. Там снег выпадает обычно в ноябре и лежит до апреля.

В Бакуриани очень красиво. Воздух сух и чист. Утопая в снегу, стоят голубые ели, освещённые ярким и тёплым солнцем. Солнце здесь греет так сильно, что в ясные дни даже в январе лыжники ходят в майке и трусах. Бакуриани — одно из немногих в нашей стране мест, где можно, лёжа на зелёной траве и загорая под жаркими лучами солнца, наблюдать прыжки с огромного лыжного трамплина.

Ребята, если вы хотите всегда быть здоровыми, сильными, ловкими и смелыми, обязательно занимайтесь спортом, учитесь бегать, прыгать, играть с мячом, кататься на лыжах и на коньках, плавать и грести. Все виды спорта закаляют человека и хорошо подготавливают его к труду на благо нашей любимой Родины.

Надя Хныкина,

ученица 9-го класса 22-й тбилисской женской школы, мастер спорта

Пушкин-лицеист. Памятник в лицейском саду.

ПУШКИН В ЛИЦЕЕ

Б. Шатилов

В мае 1811 года Пушкину исполнилось 12 лет. Родители решили было отвезти его в Петербург и отдать на воспитание в Иезуитский коллегиум. Но в это время до Москвы дошёл слух, что царь Александр I намерен открыть осенью в Царском Селе новое, ещё небывалое в России учебное заведение — Лицей. Слух этот заинтересовал отца Пушкина, Сергея Львовича, любителя всяких новостей.

Сергей Львович навёл справки и скоро узнал, что Лицей должен готовить будущих помощников царя, государственных деятелей.

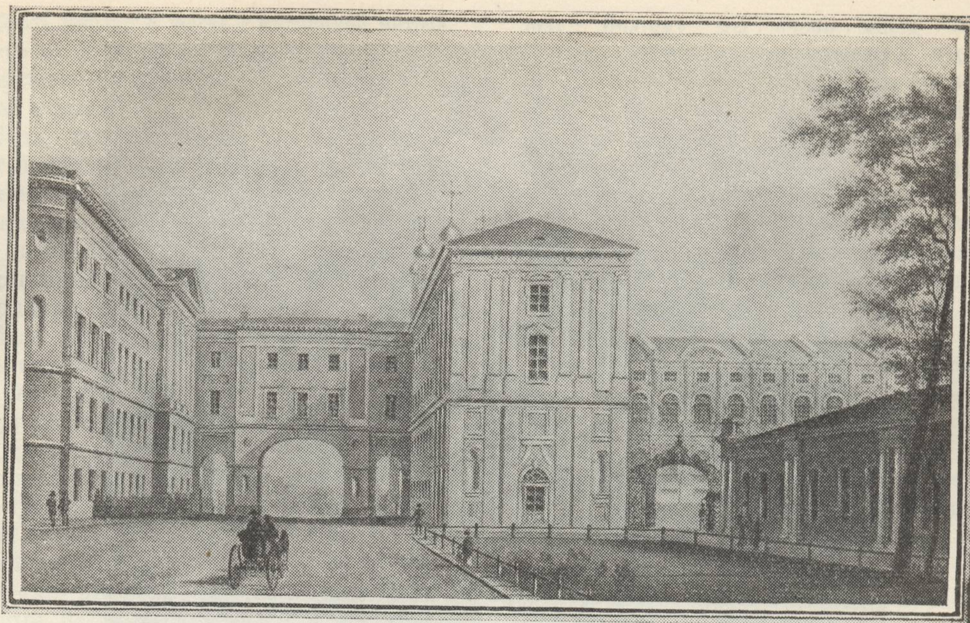
В то время царь Александр I ещё прикидывался вольнодумцем. Его отец, жестокий деспот Павел I, был убит придворными, и Александру, чтобы удержаться на престоле, приходилось проявлять «мягкость души и свободу мыслей», что он и делал некоторое время.

В Лицее должны были бесплатно жить и учиться дети родовитых дворян; предполагалось, что по окончании Лицея они займут важные государственные должности по дипломатической и военной части. Царь хотел лично наблюдать за воспитанием лицеистов и потому приказал открыть Лицей в Царском Селе, в четырёхэтажном флигеле, примыкавшем к большому царскому дворцу.

И бесплатное обучение, и покровительство царя, и блестящая карьера в будущем—всё это взволновало Сергея Львовича, и он решил во что бы то ни стало устроить сына в Лицей. Но детей родовитых дворян было много, а в Лицей принимали всего тридцать воспитанников. Надо было хлопотать, искать протекции. Обычно ленивый и беспечный, Сергей Львович тут проявил достаточную энергию и добился того, что его сыну разрешили держать экзамен.

В июле Пушкин вместе с дядюшкой Василием Львовичем, известным в ту пору поэтом, выехал на лошадях из Москвы в Петербург. Он выдержал экзамен и был принят в Лицей.

19 октября, утром, в тихом живописном Царском Селе, во дворцовом флигеле, произошло торжественное открытие Лицея. После молебна в придворной церкви лицеистов, 10—14-летних

В этом здании, налево от арки, помещался Царскосельский лицей.

мальчиков, одетых в новую парадную форму — в синие мундиры с красными воротниками, шитыми серебром, в белые брюки и высокие ботфорты, — ввели в большой лицейский зал. Между колонн стоял стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На столе лежала «Высочайшая грамота» — указ царя об открытии Лицея.

Лицеистов выстроили в три шеренги справа от стола. Вместе с ними встало их взволнованное начальство: директор, инспектор, гувернёры, — а напротив, лицом к ним, выстроились лицейские профессора и чиновники.

В торжественной тишине чиновник из министерства народного просвещения тонким, дребезжащим голосом прочитал указ об открытии Лицея и устав Лицея, в котором говорилось, что в этом «новом святилище наук» телесные наказания запрещаются. Это было необыкновенно и ново, потому что в те годы во всех учебных заведениях школьников секли розгами самым унизительным образом. Потом директор Лицея, держа в дрожащих руках длинный лист бумаги, невнятно и робко прочитал скучную, длинную речь.

Но вот следом за ним к столу смело, с достоинством вышел молодой профессор политических наук Куницын. Он не читал свою речь, а говорил уверенно, громко, обращаясь не к царю, а к лицеистам. Он призывал их к славе, к служению отечеству, народу, к честному выполнению долга гражданина и воина.

В его речи не было и тени раболепства, он ни разу не упомянул имени царя. Это тоже было необыкновенно. Все ораторы обычно призывали своих слушателей к служению прежде всего царю, а потом уже отечеству, народу. Куницын смело нарушил этот вековой, рабский обычай. И это глубоко взволновало лицеистов и запало в их души на всю жизнь.

Через 25 лет, за три месяца до своей трагической смерти, Пушкин в день 19 октября, в «Лицея день заветный», вспоминал о речи Куницына и только о ней как о большом событии в день открытия Лицея.

Лицеисты с восторгом слушали смелую речь Куницына и смотрели на него, как на человека необыкновенного. И он действительно оказался необыкновенным человеком. В течение шести лет он был их любимым профессором. Он воспитал в них чувство чести и независимости, стремление к свободе, ненависть к тирании и рабству.

«Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...» —

писал о нём Пушкин в 1825 году в ссылке, в Михайловском, в стихотворении, посвящённом четырнадцатой годовщине открытия Лицея.

Вечером, когда царь и важные гости уехали, лицеисты переменили парадную форму на будничную и вышли гулять. На улице лежал пушистый, рано выпавший снег. Вокруг Лицея горели плошки. При свете этой пышной иллюминации лицеисты бросились играть в снежки, забыв о том, что они будущие «столпы отечества».

Торжество кончилось. Начались школьные будни.

Как во всех закрытых учебных заведениях, жизнь в Лицее шла по строго установленному порядку. У каждого лицеиста была своя комната. В комнате железная кровать, комод для белья, конторка, стул, стол для умыванья. На конторке чернильница, гусиные перья, подсвечник, щипцы, чтобы снимать нагар с сальной свечи. Лицеисты вставали рано — в шесть часов утра,— одевались при свечах и сбегали с четвёртого этажа вниз по лестницам в зал на молитву, потом шли в класс, учились с семи до девяти часов, пили чай в столовой и шли на прогулку. С десяти до двенадцати снова учились, обедали, снова гуляли и снова учились. Вечером, в половине девятого, ужинали и до десяти часов занимались всяк своим делом: одни читали в библиотеке журналы и книги, другие бегали по залу, играли в мяч, третьи в тихом углу рассказывали смешные и страшные истории. В десять часов расходились по комнатам и ложились спать. Длинный сводчатый коридор четвёртого этажа погружался в тишину и во мрак. Только тускло горели ночники да дежурный дядька уныло шагал из конца в конец.

Пушкин впервые в жизни попал в такое большое общество сверстников. В Москве у него не было близких друзей, он не учился, как другие лицеисты, ни в гимназии, ни в пансионе.

В Москве, в родительском доме, мать, отец и опостылевшие ему гувернёры не очень любили его. У него был неуравновешенный, своенравный характер. Из одной крайности он легко переходил в другую. То ленивый, неподвижный увалень, то «неуёмный» проказник, то непокорный, вспыльчивый упрямец, он часто раздражал родителей и гувернёров. Они бранили его, жестоко оскорбляли его самолюбие и как бы вовсе не замечали его больших достоинств — его ума, его горячего сердца, его неукротимой жажды знания. Он тогда уже перечитал почти всю библиотеку отца, знал наизусть многих русских и французских поэтов. В голове у него уже теснились свои мысли, мечты и стремления. А этого — главного-то — в нём и не замечали. И он замыкался, держался настороже.

Потому и в Лицее он не сразу раскрыл свою душу. Он быстро подружился только со своим соседом по комнате, спокойным, добрым, умным Иваном Пущиным, а с другими товарищами сходился туго. При малейшем намёке на обиду он мгновенно вспыхивал и давал отпор.

Но всё хорошее, что было в Пушкине: его горячее, доброе сердце, его сверкающий ум, прямота, искренность, преданность друзьям, — не могло не раскрыться в повседневном общении. Товарищи полюбили Пушкина, полюбил их и Пушкин.

Пушкин в возрасте 12—14 лет. Гравюра Е. Гейтмана.

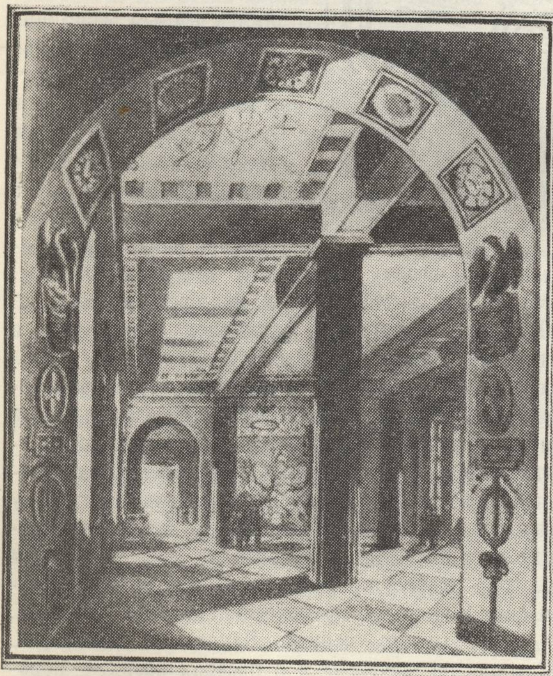
Лицей считался высшим учебным заведением. Лицейское начальство и профессора смотрели на лицеистов, как на взрослых студентов и предоставляли им большую самостоятельность и свободу. В классы на лекции они могли являться по своему усмотрению. Кто хотел учиться, тот учился, а кто не хотел, мог предаваться лени. Пушкин с увлечением занимался только такими науками, которые были ему по душе. Он любил русскую и французскую литературу, любил историю, лекции Куницына и пренебрегал другими предметами. Страсть к литературе и истории зародилась в нём ещё в детстве, в Москве. В родительском доме он видел многих известных в ту пору поэтов: Карамзина, Жуковского, Дмитриева, своего дядюшку Василия Львовича, — с волнением слушал их споры о литературе, о бурных исторических событиях, происходивших тогда в Европе, о непрерывных войнах Наполеона Бонапарта. Слышал он рассказы и о предках своих — непокорных Пушкиных, о знаменитом прадеде своём, арапе Петра Великого, Абраме Ганнибале. Имена многих предков Пушкина были тесно связаны с

русской историей, и история была для него как бы «семейной хроникой».

И теперь в Лицее в Царском Селе он жил в кругу исторических памятников. В великолепном царскосельском парке в честь победы над турками было воздвигнуто множество колонн и обелисков, на которых сверкали медью имена многих русских полководцев, воспетых Державиным в патриотических одах. Среди них было имя предка Пушкина — Ивана Ганнибала, цехмейстера морской артиллерии, который сжёг турецкие корабли и взял крепость Наварин.

Французскую литературу в Лицее преподавал родной брат Марата. Он рассказывал лицеистам и о французской революции, и о Марате, и о Робеспьере с живостью и непосредственностью человека, видевшего всё своими глазами. Даже лицейский повар—и тот был связан с историей: он был когда-то поваром фельдмаршала Суворова.

Всё это невольно поддерживало интерес и страсть Пушкина к истории. А страсть к литературе поддерживали и профессора, и гувернёры, сочинявшие пьесы для лицейских спектаклей в стихах и прозе, и товарищи-лицеисты, особенно Илличевский, Дельвиг, Кюхельбекер, Яковлев, Корсаков, которые с неменьшей страстью, чем Пушкин, читали журналы, заучивали наизусть стихи Жуковского, Крылова, Батюшкова, сами сочиняли эпиграммы, шуточные песни и издавали свои рукописные журналы.

Лицейский зал. В этом зале Пушкин читал перед Державиным своё стихотворение «Воспоминания в Царском Селе».

Не прожил Пушкин и года в Лицее, как надвинулось чрезвычайное историческое событие. В июне 1812 года шестисоттысячная армия Наполеона перешла через Неман и стремительно двинулась на Москву. Началась Отечественная война, которая пробудила неслыханный патриотизм в сердцах русских. Лицеисты с волнением читали газетные сообщения о ходе войны и до слёз завидовали тем, кто шёл умирать за родину. А через Царское Село то и дело проходили к фронту бородатые ратники, казаки. В Лицей приезжали прощаться родственники, старшие братья, тоже уходившие на поле боя.

«Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас...»

Бородинскую битву, пожар Москвы лицеисты переживали с большой болью и тревогой. Что же дальше? Неужели Наполеон двинет свои полчища на Петербург? Этого ждали, и лицейское начальство стало спешно готовиться к эвакуации Лицея на Север. Портные уже начали было шить лицеистам бараньи тулупы. Но вот началось поспешное отступление Наполеона. Теперь газетные сообщения уже не огорчали лицеистов, а радовали. Они с восторгом следили за действиями русской армии и русских партизан — крестьян и крестьянок. Наконец французы были окончательно разбиты. Русские войска вошли во Францию и заняли Париж. Русский народ-победитель встал в центре внимания всего мира. Это ещё больше наполнило сердце Пушкина и его товарищей чувством великой гордости за свой родной народ.

Один из товарищей Пушкина—Илличевский—писал в письме своему другу, который учился тогда в петербургской гимназии: «...Хвала русскому языку и русскому народу! Последняя война доставила ему много славы, и я уверен, что иностранцы разуверились, что мы варвары, разуверятся также и в том, что наш язык варварский; давно пора этому!»

Победа русского народа укрепила страсть лицеистов к русской литературе.

Не ускользали от лицеистов и тёмные стороны тогдашней русской действительности. Когда царь Александр I вернулся из Парижа, лицеистов повели в Павловск на празднество, устроенное в честь царя. Они издали смотрели на балет, который шёл на лугу на фоне великолепных декораций, изображавших окрестности Парижа. Потом в павильоне, увитом гирляндами роз, был бал. А когда начался разъезд, кто-то из царских вельмож позвал своего слугу: «Холоп!». На лицеистов так и пахнуло XVII веком.

Лицеистов волновало то, что русский народ, защитник родины, освободитель народов Европы,

который вынес всю тяжесть войны, попрежнему остался в презрении, нищете и рабстве. Этих героев дворяне попрежнему секли розгами, выменивали на борзых собак и продавали, как скот. Эта жестокая несправедливость жгла стыдом и негодованием сердца честных людей.

Отечественная война пробудила в Пушкине чувство гордости за героический русский народ, любовь к народу и чувство негодования к тем, кто продолжал держать его в нищете и рабстве. Эти чувства стали основой творчества Пушкина.

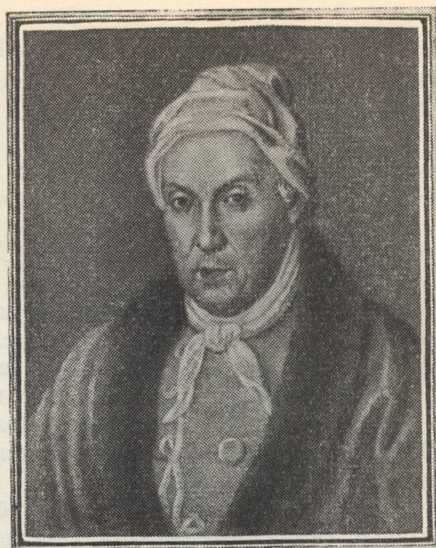

В эти годы стал быстро развиваться поэтический дар Пушкина. Живой и пылкий, серьёзные занятия он перемежал с шалостями, иногда слишком вольными, и оттого близоруким воспитателям казался «легкомысленным» и «крайне неприлежным». Но Пушкин никогда не был лентяем. Всё существо его всегда было в непрестанной деятельности. Голова его всегда была полна мыслей, сердце — чувств. Он много читал, размышлял и много писал. Он одержим был поэзией.

«Не только в часы отдыха от ученья, в рекреационных залах, на прогулках, но нередко и в классе, и даже в церкви ему приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум, его занимавших. Набрасывая же мысли свои на бумагу, он от нетерпения грыз перо и, насупя брови, надув губы, с огненным взором читал про себя написанное» [1].

Уже в 1814 году в журнале «Вестник Европы» наряду с известными в то время поэтами было напечатано стихотворение пятнадцатилетнего Пушкина «К другу стихотворцу». Это было большое событие, но оно ещё не ставило Пушкина на первое место среди лицейских поэтов, потому что друзья Пушкина Илличевский, Дельвиг тоже печатались в том же журнале. В январе 1815 года, когда лицеисты переходили на четвёртый, старший курс, на экзамен приехал прославленный поэт Державин. Пушкин прочитал тогда своё патриотическое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе».

«Я не в силах описать состояние души моей, — вспоминал впоследствии Пушкин, — когда дошёл я до стиха, где упомянуто имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение; не помню, куда убежал. Державин

Гавриил Романович Державин.

был в восхищении: он меня требовал, хотел обнять... меня искали, но не нашли».

Пушкин был признан первым поэтом Лицея. О его даровании говорили уже за стенами Лицея, в литературных кругах. Особенно внимательно следили за быстрым развитием его исключительного таланта Жуковский и дядюшка Василий Львович.

Лицеисты жили затворниками, как в монастыре. Их не отпускали ни зимой, ни летом за пределы Царского Села. Но жизнь всё-таки врывалась к ним, и они знали многое, что тогда происходило в России и в Европе. Царь Александр I стал во главе европейской реакции, снял с себя маску вольнодумного монарха и стал откровенным деспотом, как и все цари. Он приблизил к себе жестокого, грубого генерала Аракчеева, который и правил теперь Россией.

Лицеисты остро переживали это усиление реакции, особенно Пушкин, Пущин и Кюхельбекер, тем более что к ним в Лицей проникала запрещённая литература, рукописная и печатная. Они читали гневную книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», направленную против крепостного права, знали наизусть его оду «Вольность».

Вскоре после благословения Державина Пушкин написал одно из лучших своих лицейских стихотворений, «Лицинию», в котором он с негодованием пишет о рабстве древнего Рима, но в нём ясно слышны намёки на русскую действительность:

«О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?»

И кончает стихом:

«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

[1] Из воспоминаний лицейского товарища Пушкина — Комовского.

Это было первое стихотворение, в котором Пушкин со всем пылом юности восстал против позорного рабства.

На старшем курсе лицеистам была предоставлена уже бо́льшая свобода, чем прежде. Они в одиночку, без надзора гувернёров, могли бродить по Царскому Селу, бывать у знакомых, посещать домашний театр графа Толстого. В это время Пушкин подружился с лейб-гусарами, полк которых стоял в Царском Селе. Среди молодых гусаров были образованные, умные, честные люди, сражавшиеся против Наполеона в Отечественную войну, побывавшие вместе с русской армией-освободительницей за границей. Со стыдом и негодованием смотрели они на деспотизм царя и рабство русского народа.

Оди́н из этих лейб-гусаров, П. Я. Чаадаев, оказал на Пушкина большое влияние. Он первый указал Пушкину на то, что поэтический дар — это грозное оружие — надо направлять на защиту народной свободы.

Вместе с тем Пушкин всё больше и больше сближался с прославленными поэтами и писателями. В 1816 году он познакомился с Батюшковым, которого очень высоко ценил. В том же году

Иван Иванович Пущин.

Антон Антонович Дельвиг.

в Лицей к Пушкину приезжали поэт и историк Карамзин, Жуковский, Вяземский, дядюшка Василий Львович. С Жуковским и Вяземским он часто переписывался. Они сообщали ему все важные литературные новости. А у Карамзина, который жил в то лето с семьёй в Царском Селе, Пушкин часто запросто бывал, как в родном доме.

Литература всё больше и больше овладевала всеми его помыслами, и он всё больше и больше склонялся к тому, чтобы посвятить ей всю свою жизнь. Он никогда не мечтал ни о высоких чинах, ни о богатстве. Он знал, что и то и другое в тогдашней России опиралось на раболепство и подлость и на рабство крестьян. О чинах и богатстве он говорил и писал в стихах с неизменной насмешкой и презрением. Он хотел быть прежде всего человеком независимым и честным и беспечно относился к тому, кем же он будет, когда кончит Лицей. А вопрос этот уже вплотную вставал перед ним.

Приближались выпускные экзамены. Ещё месяц, другой—и лицеисты разъедутся из Царского Села, и всяк пойдёт своей дорогой. Какую же ему избрать дорогу?

В стихотворении «Товарищам» Пушкин писал:

«Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.
Разлука ждёт нас у порогу,
Зовёт нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,

Пётр Яковлевич Чаадаев.

Василий Андреевич Жуковский.

Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мёрзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рождённый быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всём послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны Законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора...»

Он хотел быть поэтом и только поэтом.

Хотя шестилетнее пребывание в Лицее Пушкин и называл «годами заточения» и как будто и рвался на свободу, но вместе с тем он с грустью расставался с Лицеем.

В Лицее он узнал первую дружбу, первую любовь. Здесь впервые посетила его Муза и впервые слава осенила его кудрявую голову. Здесь горячо любили его, восхищались им, верили в его блистательную будущность, и он горячо любил своих друзей. Тогда же перед выпуском он написал прощальные стихи в альбом Кюхельбекера:

«Прости... Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!»

9 июня 1817 года состоялся выпуск лицеистов тихо, скромно, без тени той торжественности, с которой шесть лет назад открылся Лицей. Директор прочитал короткий отчёт о шестилетнем обучении лицеистов. Так же коротко царь поблагодарил его и весь лицейский штат. Лицеисты хором спели прощальную песню, сочинённую Дельвигом, и выпускной акт кончился.

Да, не так, не так открывался Лицей! Шесть лет прошли — и переменили многое и многих. Царь давно уже снял с себя маску и открыто почитал просвещение злом, которое ведёт народ к революции. Ему нужны были держиморды, типа Аракчеева, которые бы твёрдой, беспощадной рукой сдерживали народные порывы к свободе.

Лицеисты выросли и возмужали. Многие из них глубоко возмущались реакционной политикой царя и горели желанием свято выполнить тот долг гражданина — служить не царю, а народу,— о котором так смело говорил Куницын в день открытия Лицея.

Пущин, Кюхельбекер и Вальховский выходили из Лицея вполне созревшими к тому, чтобы вступить в тайное общество, собиравшее силы для борьбы с царским деспотизмом, и принять потом самое деятельное участие в восстании декабристов, а Пушкин покидал Лицей вполне готовым, чтобы «вслед Радищеву» написать оду «Вольность»:

«Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы. мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!»

наша ПОЧТА

Сказки, сложенные на берегах суровых рек

Юкагиры — малая народность нашей страны. Когда-то они населяли огромные пространства северо-востока нашей Родины, от среднего течения Лены до Анадыря. Жестоко эксплоатировали и обманывали этот народ местные князьки и шаманы и американские грабители — промышленники, приезжавшие сюда за дорогими мехами. Целыми стойбищами юкагиры вымирали от нищеты, болезней и голода.

Великая Октябрьская революция принесла возрождение юкагирскому народу. Оленьими стадами, пушниной и рыбой богаты юкагирские колхозы, раскинувшиеся по берегам рек Омолоны, Нелемной и Алазеи.

Суров этот край! Восемь месяцев спят здесь реки, скованные льдом. Богатырями стоят над тайгой заснеженные горы. Здесь свирепствует пурга и в некоторых местах два месяца в году стоит полярная ночь с волшебным светом северного сияния. Тот, кто хоть раз побывал здесь, никогда не забудет этой суровой красоты.

Много сказок бытует в юкагирском народе. Старики и теперь ещё рассказывают о горькой доле юкагиров в прошлом. Новые сказки и песни слагают они о новой, радостной жизни в советские годы.

Творчество своего народа бережно собирают и хранят ребята — ученики юкагирских школ. Мне пришлось побывать среди юкагиров. Я подружился со многими ребятами-школьниками, перевёл сказки, записанные ими, и их стихи, чтобы познакомить всех вас, ребята, с творчеством ваших друзей, живущих на берегах далёких суровых рек. Рисунки, которые вы здесь видите, нарисовали юкагирские школьники Ваня Трифонов и Петя Щербаков.

В. Кривошеин

Жалеть не будешь, путник...

Вася Щербаков,
ученик омолонской школы

Если придётся вам побывать
В нашей глухой тайге,
То не забудьте, друзья, повидать
Бабушку нашу Икэ.

К ней ходит пурга с четырёх сторон,
С ней месяц беседы ведёт.
Знаете, где течёт Омолон?
Вот там она и живёт.

От моря надо взять на восток,
Где дикий распадок лежит:
По льду широких учаньских проток
Олень хорошо бежит.

Но как ни стремителен нарты бег,
Набей кисет про запас,
В дороге промчится весь «лунный век»,
Закуришь трубку не раз.

Учаньский ключ тебя приведёт,
Где камень-гаунь лежит,
От камня того тропа идёт,
Где домик Икэ стоит.

Будет навстречу ветер шуметь,
Птица крылом махнёт,
Помни: за камнем сидит медведь,
Домик Икэ стережёт.

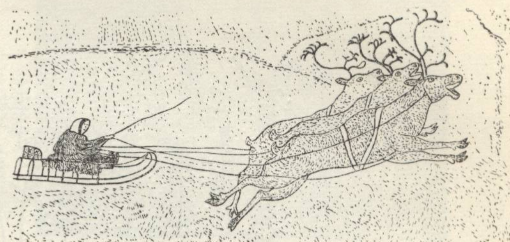
Поставь оленя за серой скалой,
Чтоб ягель зубами рвал,
Ударь три раза о камень ногой,
Чтоб мишка дорогу дал.

Откроется дверь, и, солнца теплей,
Встретишь хозяйки взгляд.
Хоть снега её голова белей,
Но ярко глаза горят.

Сядешь на белый олений мех
И будешь слушать о том,
Как весел в наших долинах смех,
Как звонко о счастье поём.

Не надо в тайге кочевать сто лет:
Прослушав песни Икэ,
Узнаешь, кто нёс к нам на Север свет,
Как жил юкагир в тайге.

Пускаясь обратно в далёкий путь,
Поверишь моим словам:
Жалеть не будешь, путник, ничуть,
Что ездил за сказками к нам.

Оленьи гонки.

Догадливая ворона

Сказка

Когда это было, сам высчитай.

Летела голодная ворона вдоль берега реки. Услышала, что веточки на тропе хрустят, и села на дерево. Смотрит: идёт от моря человек. «Кто такой?» — спрашивает у дятла. «Недруг»,— говорит дятел.

Залетела птица с того края, откуда солнце шло, и в лицо человека заглянула. «А-р-р!— вскрикнула она.— А-р-р! Американец-купец идёт. Опять за пушниной приехал».

Решила ворона лететь да поглядывать.

Вот пришёл американец в юрту к старому охотнику. Дед варил оленье мясо. Угостил приезжего жирным куском, вкусную мозговую кость дал. Ели, ели, а когда наелись, дед выбросил кость на улицу, а гость—в огонь.

В школы-интернаты регулярно приходят почтовые нарты, они доставляют нашим далёким друзьям новые детские книги, газеты и журналы.

Рассердилась ворона на американца, не выбросившего за порог кость. «Жадный он человек,— думает.— Надо наказать его».

Пересмотрел американец все меха и сказал деду:

— Пойдём ко мне на шхуну за товаром.

— Не я у тебя покупаю,— отвечает дед,— а ты у меня. Вот и принеси свой товар ко мне в юрту.

Пошёл американец, ругается на деда. И думает вернуться и не думает: вроде обидел дед богатого купца. Однако вернулся, только с плохим сердцем. Идя тайгой, жёлтого мха надёргал и в табак положил. На берегу палый лист собрал и с чаем его смешал. Хорошо, конечно, что ворона всё видела.

А дальше так, значит, было:

— На́ тебе, старик, товар, — говорит американец.— Только принёс я тебе больше, чем следует, прибавь шкурок!

Дед взял товар в одну руку, а шкурки положил на другую. Поднял. Выходит, перетянул американский товар.

— Вот тебе ещё десять хвостов песца, — говорит дед.

Всё в мешок сложив, американец ушёл весёлый. Идёт по тайге и поёт. А догадливая ворона села на мешок и поглядывает: «Провожу я тебя за море пустого».

Остановился американец: видно, устал. Ворона на дерево села. Купец мешок под кусты бросил, сам пить пошёл. Попил, потом трубку набил. «Теперь пора»,— думает ворона.

Натаскала она мха, вынула из мешка все шкурки, вместо них мох положила и улетела. Потом все шкурки к дедовой юрте перетаскала, положила у порога.

Спал дед долго, но всё-таки проснулся. Набить трубку надумал. Закурил табак, а он мхом пахнет. Положил дед на зуб чай, а в нём лист с дерева. «Ах ты, такой-сякой! Плут заморский!»—ругается дед.

Выбежал из юрты злей духа. Глядит: у порога меха лежат.

— Звери, наверно, ожили,— говорит дед,— учуяли, что на чужую землю увезти их хотят, и убежали из мешка.

Собрал он шкурки и обратно в юрту унёс.

А в то, значит, время американец на берег пришёл. Сел в лодку и хвастается товарищам:

— Смотрите, сколько мехов взял. Всё песцы да лисы-сиводушки!

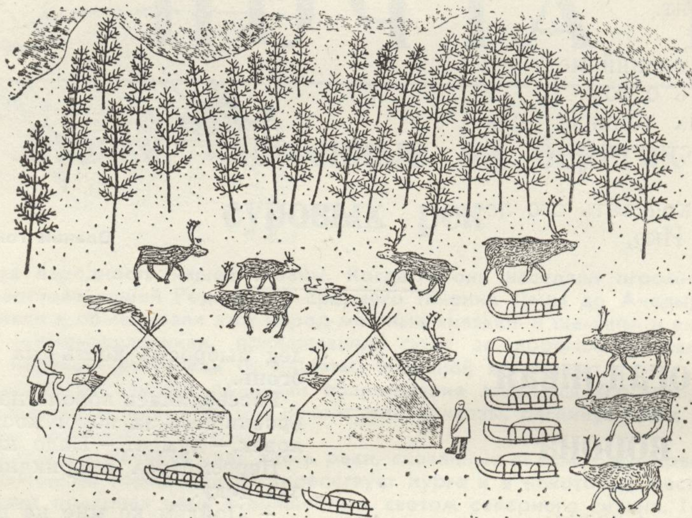
— Покажи нам!—те говорят.

Развязал купец мешок, а в нём мох.

— Ай-ай-ай!—кричит.—В этой тайге страшный волшебник живёт, как бы и нас в труху не превратил!

А ворона с дерева кричит: «А-р-р, вот как я тебя! Не ходи обманывать юкагиров».

Рассказал юкагир Тайшин. Записал Н. Дьячков, ученик алазейской школы.

Стойбище в тайге.

Опока и Нам

Сказка

У моря стояли две сопки, а между ними бежала речка. У самого устья в юрте жил-был ороч Опока. То место называлось «тур-илэнг» — сухая земля. Кто ни посмотрит на «тур-илэнг», непременно скажет: «Всё ветер выел». Только старый Опока так не говорил. Старый Опока много думал: идти в тайгу или оставаться у моря? Поглядев однажды на волны морские, Опока спросил: «Принесёшь, великий Нам, перемену?»

Нам горе старика видел, все обиды бедняка знал. Поднял Нам свою волну и погнал её к берегу, где сидел Опока. Подбежав, волна разбилась на много-много капелек хрустальных, и те капельки сказали: «Опока, Опока, Нам для кого злой, а для тебя добрый, он принёс тебе радость».

Вот и остался ороч Опока на «тур-илэнге».

Пришла весна... В тот день в тайгу гуси летели. А как только пролетели, ветер с сопок сорвался и в устье речки побежал. Сперва ветер одну волну поднял, ею песчаный бар размыл. Погодя, другую волну

Из таких вот грязных и дымных юрт юкагиры переселились теперь в просторные, светлые дома. Эту последнюю юрту оставили как музейную редкость.

пригнал, ею устье речки размыл. А как третью волну вдоль речки прогнал, — широкий лиман между скал родился.

Смотрит Опока и радуется: очень красивая красота на «тур-илэнг» пришла.

Обернулся старик к востоку, а из дальней страны гости едут. Поставив шхуну в лимане, на берег сошли.

— Здорово, старик! — говорят.

— Здорово, гости! — старик отвечает.

— Так ты и живёшь? — спрашивают.

— Так и живу, — отвечает.

— Будешь для нас пушнину в тайге собирать? Сладко кушать станешь! — говорят.

— Нет, не буду, — Опока отвечает.

— Тогда с голода умрёшь, — гости говорят. — Ведь на твоём берегу, кроме морской капусты, ничего не вырастет.

— Подожду, однако, может быть, на «тур-илэнг» Нам счастье принесёт, — Опока отвечает.

— Сиди, старый пень, догнивай совсем! — насмехаются гости.

Сказав так, поплыли дальше.

Другая весна пришла. Смотрит Опока: идут вьючные олени, а за ними Кэдэ — хозяин тайги, кулак.

— Здорово, старик! — Кэдэ говорит.

— Здорово! — Опока отвечает.

— Не идут ли по морю гости?

— Пока не идут.

Кэдэ сел, кисет с табаком вынул, американскую трубку закурил.

— Откуда такой душистый тэпкэн? — Опока спрашивает.

— Гости дали, — Кэдэ отвечает весело.

— А ты что им дал? — Опока спрашивает.

Сыну охотника-юкагира Пете Дьячкову уже не пришлось жить в юрте. Он родился в светлом доме и ходит в детский сад.

— Я пушнину дал, что в стойбищах лежала, — отвечает.

— А что за это охотникам дал? — Опока спрашивает.

— За каждого песца плитку чая, — Кэдэ отвечает.

Задумался Опока. Молчит. Косо на Кэдэ смотрит.

— Теперь сюда будут часто мои олени ходить, — Кэдэ говорит. — Так гости хотят. Тебе работу дам.

Юная собирательница фольклора, ученица юкагирской школы Наташа Слепцова.

— Однако сам работай, а я посижу, — Опока говорит.

Рассердился Кэдэ.

— Прогоню тебя отсюда! — кричит.

Прошёл день, утро пришло. Кэдэ смотрит на море.

Ещё день прошёл. Только как новый месяц народился, гости пришли.

Кэдэ меха отдал, гости табаку дали, спирту дали. А когда стали обратно уплывать, самый толстый крикнул:

— Кэдэ — хороший человек! Самым богатым в тайге будешь.

Кэдэ старается: возит пушнину к морю, спаивает всех спиртом. В стойбищах здоровых людей совсем мало остаётся. А Опока всё молчит и молчит, седому Наму на грудь поглядывает.

— Скоро тебя, упрямый, «верхний дух» возьмёт. Лучше берись за работу, трудись на меня, — говорит Опоке Кэдэ.

— Не хочу, — Опока отвечает.

Рассердился Кэдэ. Сломал юрту старика, раскидал камни очага. Сидит Опока на голой земле, а с моря глаз не спускает.

Очень много ночей и дней просидел на камне старик, но чего ждал, то пришло. Седой Нам принёс на «тур-илэнг» счастье.

Поднялось солнце яркое. Пришёл корабль большой, какого Кэдэ ещё не видел. Только тот корабль гостей не к кулаку привёз, а к старому Опоке, — друзей добрых, богатырями Лениным и Сталиным посланных.

— Здравствуй, старичок! — ласково сказали.

— Здравствуйте! — Опока ответил.

— Приехали мы с далёкими охотниками породниться, — говорят. — Привезли хлеб да соль и русскую дружбу нерушимую.

Стали гости дом строить, а над ним красный флаг подняли. Взяв топор, Опока за работу принялся. Пушнину заставили Кэдэ на советскую факторию сдать, а с фактории охотники много хлеба и товаров хороших в тайгу увезли.

Заплакал старый Опока от радости и, сев на камень, сказал:

— Спасибо тебе, Нам, за русских друзей!

Живёт теперь старый Опока да добра наживает. Сухая земля совсем не сухой стала. Потому и растёт на нашем советском берегу не морская, а белокочанная капуста да сочный помидор.

Вот какой золотой власти старый Опока дождался!

Из фольклорной тетради Наташи Слепцовой.

Сталин — моя звезда

Вася Винокуров,
ученик нелемнской школы

Берег Охотского моря далёк
От стен красавца Кремля,
Но связан Советский Дальний Восток
С сердцем страны всегда.

И знает тайга, кто большой человек,
Чей разум глубок, как моря,
Кто сделал счастливым наш солнечный век,
Чьим именем песня полна.

Я знаю: солнце для всех одно,
Всех ярче наша звезда.
Сталин — великое имя его,
Сталин — моя звезда!

Караван верховых оленей прибыл в стойбище.

Разговор охотника с девочкой

— Ну, дочь, как учишься, как живёшь?

— Живу хорошо. В интернате. Там светлые окна, совсем не такие, как в юрте. На моей постели одеяло, никто не лежит на шкуре оленя. После уроков бегаем на речку, катаемся на санках. Есть у нас интересные игры.

— Что ты кушаешь?

— Я кушаю булку, а ещё сахар, пью молоко и намазываю на хлеб масло. Мы теперь совсем забыли вкус сушёной юколы и сырого оленьего мяса.

— Какие поёшь песни, дочь?

— Я пою песни о Сталине; пою о людях, которые летают по небу и плавают по морям.

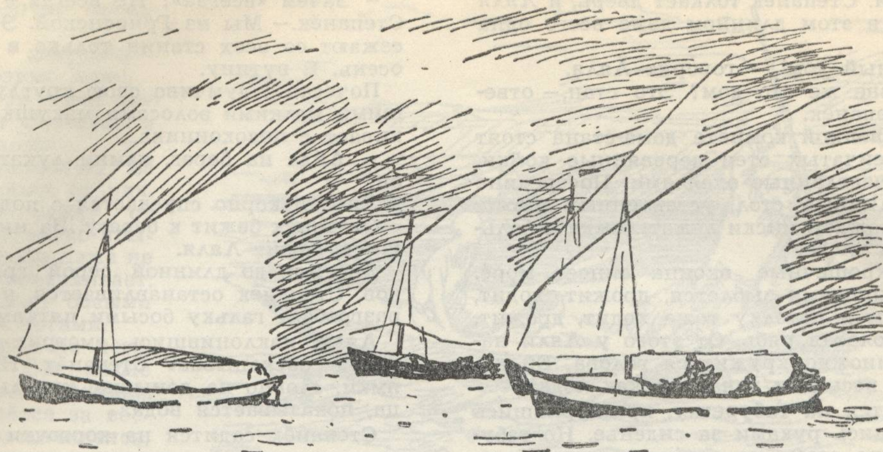
— Когда вернёшься из школы, споёшь нам эти песни?

— Песни спою, только из школы не скоро вернусь.

— Почему же не скоро?

— Потому, что кончу школу одну, поеду на оленях в другую, оттуда поплыву на пароходе и поеду на поезде в третью. Я вернусь в тайгу, когда выучусь и буду много знать. От знаний, говорят, в тайге прибавится света.

Записано ученицей Марией Фроловой. Исполняли в лицах участники школьной самодеятельности М. Фролова и Спиридонов.

Бабушкино море

Повесть С. Георгиевской *(Продолжение)* Рис. Н. Цейтлина

Просыпается Ляля на берегу. Под головой у неё вместо подушки шапка-зюйдвестка, вместо простыни — жёлтый-жёлтый, мягкий-мягкий песок.

Пахнет солёной водой, тёплым дымом, жареной рыбой.

Ляля садится в песке и оглядывается: прямо на берегу, под открытым небом, стоит большая плита. Она сложена из дикого камня и вымазана извёсткой. Огонь в плите так и бушует, только его почти не видно, потому что он словно выгорел от солнышка.

Возле плиты стоит какая-то женщина в большом клеёнчатом фартуке и в такой же косыночке, как у бабушки. Должно быть, она кухарка. Кухаркины руки блестят от жира. Она поминутно встряхивает огромную сковородку, и от этого какая-то широкобокая рыбина так и пляшет в шипящем жиру.

— Степанёк! Не зевай!.. — командует кухарка.— Надежда, жиру!

Какой-то маленький мальчик, с круглой, как шар, бритой головой и дочерна загорелыми босыми ногами, пыхтя, подтаскивает к плите охапку камышей и запихивает их в топку.

Огонь ревёт, и целое облако дыма вырывается из белой трубы над плитой.

— Степанёк, поднеси-ка тёте Моте жиру!— кричит с берега чей-то звонкий голос.

Ляля оборачивается и видит, что на самом берегу сидит на корточках другая женщина. Справа и слева от неё лежат в песке две горки рыбы. Рыбачка хватает рыбину слева, быстро-быстро скоблит её острым большим ножом так, что чешуя брызгами сыплется вокруг. Поскобливши рыбу, она вспарывает ей брюшко, полощет прямо в море и кидает направо. Куски жёлтого рыбьего жира она бережно кладёт в отдельную мисочку. Рыбы так и перелетают слева направо, слева направо.

Степанёк подхватывает мисочку и бегом несёт её кухарке.

Но тут из-за камня медленно выходит чёрная гладкая кошка с рыбкой в зубах. Почуяв жир, она бросает рыбу, подходит к Степаньку и, поднявшись на задние лапки, тянется передними к мисочке.

— Ах, чтоб ты пропала!— говорит Степанёк, но сейчас же нагибается к кошке и подаёт ей самый большой кусок жиру.

— А где бабушка? — спрашивает Ляля.

— А куда ей деваться? В море,— отвечает кухарка.— Котёл пошла выбирать.

— Котёл — из моря?!.

— Не с плиты же,— говорит кухарка.— Может, косячок какой попадётся, так рыбки тебе привезут хорошенькой. Степанёк, не зевай! Надежда, жиру!..

Степанёк опять подкладывает в топку камыш и бежит на берег за жиром.

Ляля стоит у плиты, переминаясь с ноги на ногу, и зевает.

— Что, не проспалась? — спрашивает кухарка.

— Проспалась,— говорит Ляля.

— Может, кушать охота?

— Нет, неохота, — говорит Ляля.

— Ну, коли просто соскучилась,— так бабка велела стан тебе показать. Степанёк, покажи-ка девушке стан.

— А вон тама стан! — говорит Степанёк и показывает куда-то вправо.

Ляля оглядывается: на высоких балках, вколоченных в берег, словно избушка на курьих ножках, стоит длинный дом, повёрнутый задом к большой земле, а маленькими оконцами — к морю. С его порожка во влажный морской песок спускается узкая лесенка.

Взявшись за руки, Ляля и Степанёк бегут вдоль берега к дому на курьих ножках. Одолевши лестницу, они входят в большие

пустые сени. Степанёк толкает дверь, и Ляля видит, что в этом длинном доме всего одна комната.

— Странный дом!.. — говорит Ляля.

— Да разве же это дом? Это стан,— отвечает ей Степанёк.

В единственной комнате дома-стана стоят вдоль бревенчатых стен деревянные койки, аккуратно застланные одеялами. Посередине комнаты длинный стол, уставленный мисками. Возле каждой миски лежат ложка и большой ломоть хлеба.

Сквозь крошечные оконца синеет море. Море за окошками зыблется, дрожит, ходит, и по стенам и потолку тоже ходит, дрожит, зыблется золотая рябь. От этого у Ляли начинает немножко кружиться голова. Ей кажется, что весь дом качается, как лодка.

Она садится на табуретку, прищурившись и ухватившись руками за сиденье. Но табуретка прочно стоит на дощатом полу. Успокоившись, Ляля встаёт и подходит к стене. На стене висят картины. На одной нарисованы Ленин и Сталин, на другой — рыбак в клеёнчатой шапке, такой же, как у лялиной бабушки. Над ним вздувается белый парус. В руках он держит серую сетку. В сетке бьётся большая, красиво раскрашенная серебряной краской рыба.

— Портрет,— говорит Степанёк.

— Чей? — спрашивает Ляля.

— А так себе. Просто рыбак. А ещё вчера у нас картину крутили,— задумчиво говорит Степанёк.— Механик приехал. Навёз винограду. Потом председатель приехал. Привёз мне ландрину и яблоков. А картина была ничего себе. Три раза крутили. Картина роскошная... Рыбакам понравилась.

— А тебе?

— А мне — нет: я люблю про войну, а там всё про любовь...

Сказав это, Степанёк взбирается на подоконник, распахивает окошко и садится, свесив наружу загорелые ноги.

— Упадёшь! — кричит Ляля.

— А может, не упаду! — говорит Степанёк.

Тогда, подумав, Ляля тоже садится на подоконник рядом со Степаньком. Оба смотрят на море. В море врезается сбоку остроконечный, зубчатый мыс, поросший травою и камышом.

— А там кто живёт? — говорит Ляля.

— А никто не живёт, — говорит Степанёк.— Кабаны живут с кабанятами... Вот поехал я раз по камыш вместе с дедом Василием. Видим: примято на бережку. Стало быть, значит, напиться ходил кабан. Недавно, видать, ходил: камыш ещё от ветру не распрямился. Дед Василий и говорит: «Жаль, ружьишка не захватил». А кабан будто слышит: как заорёт в камыше и морду поднял. А рыло тупое, и сам тяжёлый. Как побежал, так земля под ним задрожала. А за ним — кабанята. И такой на мысу вдруг сделался ропот и топот, аж всё дрожит. Я говорю: «Тикаем, дед Василий». А он мне: «Глуп ты, вот ты кто после этого! Он же не забодает».

— А потом что было?

— А ничего такого. Видно, спать полёг,— потому, земля успокоилась.

— А ты тут всегда, на мысу, живёшь?— говорит Ляля.

— Зачем «всегда»? Не всегда,— удивляется Степанёк.— Мы из Гривенской. Это сюда наезжают со всех станиц только в весну да в осень. В путину.

Почесав задумчиво свою круглую, с торчащими мелкими волосами макушку, он соскакивает с подоконника...

— Айда на берег, камни лукать,— говорит он.

Ляля покорно спускается с подоконника.

Степанёк бежит к берегу. За ним, запыхавшись, бежит Ляля.

Добежав до длинной серой гряды камешков, Степанёк останавливается, нагибается и разгребает гальку босыми пятками.

Ляля, наклонившись, смотрит в ямку, которую раскапывает Степанёк. На дне этой ямки, словно на донышке кукольного колодца, показывается вода.

Степанёк садится на корточки и вытаскивает из кучки блестящих камешков один тонюсенький, словно облизанный морем.

Он говорит:

— Нашёл! — и замахивается.

Камень, брошенный Степаньком, летит, подпрыгивая и чуть задевая воду. Там, где он коснулся моря, появляются лёгкие, чуть видимые круги.

— Раз — блинчик!.. Два — блинчик... Пять блинчиков, — говорит Степанёк. — Видала?

— Видала!—повторяет Ляля, как эхо, и, привстав на цыпочки, ищет глазами то место, где потонул камень.

В это время откуда-то справа, из-за мыска, заросшего камышом, появляется старенький старичок с ведёрком. Старичок задумчиво смотрит на небо, приложив ко лбу козырьком свою старую руку. Когда он подходит ближе, становится ясно видно, что лицо у него коричневое, точно кора у дерева.

Крякнув, старичок аккуратно ставит ведёрко на берег. На ведёрке написано по-печатному: «Завет Ильича». Неспеша, словно задумавшись, он отвязывает голубую лодку, прикреплённую толстой верёвкой к колышку, вбитому в берег.

На борту этой лодки написано по-печатному: «Ефросинья».

Коричневые, темные пальцы старичка движутся очень медленно. Неторопливо развязывают они толстый узел толстой верёвки.

Отвязав лодку, старик легонько отталкивает её от берега.

— Дед, а дед!—говорит Степанёк.

Старик молчит. Он будто не слышит.

— Дед Василь! А дед Василь,— тонким голосом опять повторяет Степанёк.

— Ну, чего тебе?—не оглядываясь, спрашивает старик.

— А сам знаешь, чего!

— Вот ещё, тоже клиент нашёлся!—отвечает старик и оглядывается.

Тут он в первый раз замечает Лялю.

— А ты откуда?—строго и коротко говорит старик.

— Из Приморско-Ахтарской, с бабкой прибыла, с Варварой Степановной,— отвечает ему Степанёк.

— Ага!—говорит старик.— Стало быть, Варвара Степановна и внучку к делу приучать надумала.

Он толкает лодку.

— Охота тебе, стало быть, на лодочке прокатиться?..

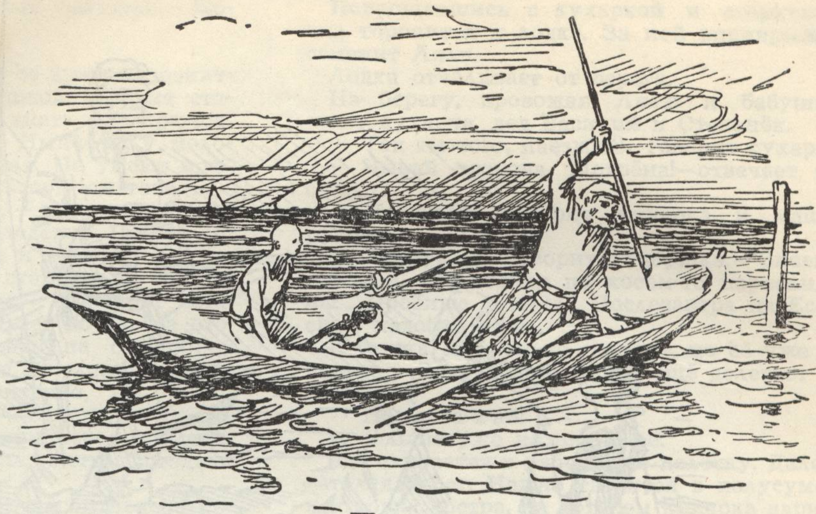
— Охота, дедушка,— шопотом говорит Ляля.

— Лезь! — не теряя времени, кричит Степанёк и кидается в лодку.

Лодка отчаливает. Её легонько толкает старик. Оттолкнувши лодку от берега, он так легко прыгает в неё, будто даже не прыгает, а вспархивает, мелькнув налету босыми коричневыми ногами.

Ляля смотрит на него, открыв рот. Вот какие здесь, на море, старички!..

Старик берётся за вёсла. Мерно раскачиваясь, плывёт «Ефросинья» по гладкому, тихому морю.

За нею бежит земля, поросшая камышом. Вон мелькнул мысок, где живёт кабан. И вот уж больше не видно мыска. Всюду море, море да птицы-чайки. Они летят над гладкою морской синевой, то взвиваясь в вышину, то прижимаясь грудками к неподвижной воде.

— Стоп, машина! — говорит старик, когда вокруг совсем уж больше не видно берега.

Он поднимает со дна заржавелый якорь и кидает его за борт. Лодка вздрагивает и останавливается, чуть покачиваясь. Старик закуривает.

— Скоро начнёшь?—спрашивает Степанёк.

— Своевременно,— отвечает старик.

Докурив самокрутку, он наклоняется над бортом и протягивает вперёд коричневую морщинистую руку. Ляля смотрит в ту сторону, куда потянулся старик, и видит, что в этом месте над морем торчат две балки. Они торчат, как обглоданные деревца, без сучков и веток, выросшие прямо со дна морского. Меж ними натянут канат.

— Багор подай!—командует старик.

И Степанёк, пыхтя, подаёт ему большую толстую палку с железным крючком на конце.

— Ого-го!—кричит старик и замахивается багром; он ударяет по сонной воде и, пошарив где-то за бортом, достает оттуда большую рыбу.

Бок у рыбы распорот. Она чуть шевелит взъерошенными плавниками.

— Частик, видать!—говорит Степанёк.

— Видать, что по-твоему,— отвечает старик и опять замахивается.

Ляля внимательно смотрит в воду. Она видит теперь, что на протянутом под водой канате бьются, словно выстроившись гуськом, огромные толстые рыбы. Старичок замахивается и замахивается. Он едва успевает глушить их одну за другой. Лодка кренится с боку на бок. На дне её кучей лежат рыбины с распоротыми от крючьев боками.

— Ой, гляди!—вдруг кричит Степанёк и толкает Лялю под локоть.— Гляди!..— и он тычет куда-то вдаль коричневым пальцем.

Ляля смотрит в ту сторону.

...Под натянутыми парусами плывут в море три широкодонные лодки. Паруса вздуваются. Меж парусов мелькают чёрные пятнышки... Шапки! Такие же, как у бабушки.

— Сущевские!—говорит старик.

— Бабушка!—кричит Ляля.— Ба-а-а!

— Как же ты эдак-то вот издалече бабку-то опознала?—смеётся старик.—Видать, что глаз у тебя соколиный.

— Ба-а-бушка!—кричит Ляля.

— Пошибче крикни! — советует Степанёк.

И Ляля кричит так шибко, что на глаза у ней набегают слёзы.

Но с лодок не отзываются. Наверно, бабушка ничего не слышит, хотя её лодки уже совсем близко от «Ефросиньи». Они рассекают тихую воду, и волны, которые они разгоняют в стороны, начинают подбрасывать и качать спокойно стоящую на якоре «Ефросинью». Быть может, под «Ефросиньей» прошла та волна, которая добежала от бабушкиной лодки!

— Ба-а-а! — опять кричит Ляля. — Бабушка!

Лодки вдруг останавливаются. Они становятся на якоря у огромных и толстых свай, вколоченных в дно моря. Меж свай аккуратным квадратом протянуты четыре толстых верёвки.

— Налегай!—кричит Степанёк, прыгая на скамейке.

И люди в лодках, словно услышав его команду, приподнимают канаты.

«Рыбу будут колотить, как дед Василий»,— думает Ляля и отчего-то зажмуривается.

Но когда она открывает глаза, ей становится видно, что рыбаки на бабушкиных трёх лодках и не думают колотить рыбу баграми. Перекинувшись через борта своих широкодонных лодок, они медленно приподнимают канаты. Что-то клокочет, бьётся, бурлит меж сваями. Море ходит в этом квадрате мелкою зыбью, взрывается фонтанами белой пены, словно кипит.

— Видать, косячок поймали,— с досадою говорит старик и, прижав ко лбу козырьком ладонь, внимательно смотрит в сторону бабушкиных трёх лодок.

Ляля тоже делает из ладошки козырёк и смотрит на лодки. Ей видны только согнутые спины да края чёрных морских шапок.

Нет, наверно, бабушки здесь нет. Была бы она на лодке, так услыхала бы, как Ляля кричала.

— Подтягивайся к верёвке!—вдруг слышит Ляля знакомый, охрипший от ветра голос.

Медленно, словно нехотя, огибают лодки высокие сваи. Люди в лодках держатся за канаты, и вот уж борта лодок почти совсем привалились к канатам...

— Майна!—командует бабушкин голос, и все руки разом приподнимают канат.

Канат показывается над водой, и Ляле становится видно, что вслед за ним волочится из моря тяжёлая сеть. Она так и ходит, так и рвётся из рук рыбаков. Что-то плещет, кишит в сети...

— Ой-я!—кричат рыбаки на лодках.—Ой-я!..

Один молодой и высокий голос словно летит над другими, тяжёлыми.

— Гунтэри подтягивай!—командует бабушка гулким, похожим на эхо голосом.

И два рыбака берутся разом за толстую сваю.

— Хорош!—кричит бабушка.— Начинай!

Над бортом лодки взвивается первый сачок. Сачок опускается в сеть, чуть приподнятую рыбаками над морем. Он полон рыбы. Из всех трёх лодок опускаются в сеть сачки. Рыбы падают на дно лодок. И вот уже кажется, в лодках и места больше для рыбы нет, а она всё льётся да льётся в лодки из огромной сети—котла.

Рыбаки что-то громко и дружно кричат, а что, разобрать нельзя.

— У-уф!—слышится Ляле.

Ей теперь уже не кажется, что это выкрикнули разные голоса... Все руки, сколько их есть на лодках, движутся одновременно. Все голоса, слившись в длинный, протяжный и слитный голос, разом кричат: «У-уф».

Люди в лодках приподнимают в последний раз почти опустевшую сеть. На дне сети полощется рыба. Сеть подкидывают, и остаток рыбы плюхается на дно лодок. Рыбаки забрасывают обратно в море пустую сеть... Края у неё обвешаны мелкими камешками.

Сеть уходит глубоко под воду, взметнув над собой хоровод фонтанчиков.

И опять видно только, как плавают меж четырёх столбов четыре каната.

Лодки движутся к берегу. Дед Василий глядит им вслед.

— Эх, и везёт сущевским!—говорит он, вздохнув.— Улов-то какой! Видать, сплошняком судак... Первый в путину котёл выбрали...

Подумав, он печально насаживает на крючья подвешенные к канату несколько мелких рыбёшек из ведёрка и садится на вёсла. «Ефросинья» движется к берегу.

Вот уж виден мысок, поросший травою и камышом. И берег виден. Мелькает издалека длинный стан посредине берега. Вот плита... Кухарка...

— Изъясниться, чтой ли, с сущевской! — глядя на Лялю, задумчиво говорит старик.

— Чего ж не поговорить!—соглашается Степанёк.

Дед Василий задумывается. Он думает долго.

Никто не знает, что он надумал. Но поздно вечером перед самым отъездом бабушки, когда бабушка сидит рядом с Лялей на остывшем уже песке, он подходит и говорит:

— Так я к тебе, Варвара Степановна...

— Что, надоело, небось, куманёк, сидеть на крючьях на самоловных?—прищурившись, говорит бабушка.

— Да как тебе это получше выразить, выразить не могу,— отвечает старик...— Оно не то, чтобы надоело...

— Ладно, садись,— говорит бабушка.— Может, эдак будет спорней.

Старичок закуривает.

— Оно, конечно, крючок от крючка рознится,— присев рядом с бабушкой, говорит старик.— Уж кому, кому бы знать про крючок, как не старому человеку. Нынче-то у молодёжи повадка совсем другая. Не умеют крючок наставить. Разучились крючок точить.

— Да ты прямёхонько, — говорит бабушка. — Не толкуй мне о молодёжи. Пришёл о себе говорить, за себя же и говори.

— Оно, конечно, способ старинный, как говорится, изжитая метода, — вздыхает старик. — Сортность рыбы падает до класса второго. Но зачем прохватывать на собрании... Всякий знает, что нынче на самоловных рыбалит только Василий Войтенко, мы, стало быть... Так в разум взять не могу, кума, зачем тебе было меня на миру перед всем народом поганить. Стар стал, мать! Опоздала учить.

— Видать, охота тебе перебросится на невода под старость?—искоса поглядев на него, говорит бабушка.

— Отчего ж! — обрадовавшись, отвечает старик.— Могу уважить. Переброшусь на невода. Чего ж!

— Спасибо, кум,— говорит бабушка.— Большое спасибо за уважение.

Оба молчат.

И вдруг бабушка, подтолкнув старичка под локоть и вытерев губы платочком, показывает ему глазами на того самого парня, которого обозвала вчера на ловле «Танцембаланцем».

— Хорошего внучка подрастил, куманёк, — говорит бабушка.—Худого слова не скажешь. В звеньевые думаем выдвинуть. Знаешь, в молодёжную, «Тридцатилетие комсомола». Ну, что скажешь? Рад, небось?

— Спорый рыбак, ничего себе,— отвечает старик.— Можно, конечно, и в звеньевые.

— Отча-ли-ваем, Варвара Степановна...— кричат бабушке с берега.

— Давно пора! — говорит бабушка.

Попрощавшись с кухаркой и старичком, она торопится к лодке. За ней вприпрыжку семенит Ляля.

Лодка отчаливает от берега.

На берегу, провожая Лялю и бабушку, стоят кухарка, дед Василий и Степанёк.

— Так ты того, наезжай!—говорит кухарка.

— Бывай здорова, Матрёна!—отвечает бабушка.

— На-езжай!—говорит кухарка и машет рукой.

— За-еду!..— говорит бабушка.— Знаешь сама-а-а, все звенья по косам-то пораскиданы... Пробные ловы-ы... Послезавтра на Есенскую надобна-а-а-а...

Кухарка ещё что-то говорит, но её уже не слышно. Одно только слово ещё долетает до лодки:

— На-ез-жа-а-ай!

И больше уже не видно её.

Всё сливается в рябенькую полоску. Далеко остался берег. Нежно светится в полусумерках точка костра, на котором кухарка варила кашу, да мигают тусклыми огоньками окошки стана.

Ляля сидит рядом с бабушкой на носу широкой, мерно раскачивающейся байды.

От бабушки пахнет рыбой и солью. Кончик беленького платка, которым она повязала голову, снявши рыбачью шапку, полощется по ветру.

Полощется по ветру бабушкин парус. За бортом лодки бежит вода.

Бабушка о чём-то крепко задумалась. Ляля тоже задумывается. Она опускает в бегущую воду руку. В воде словно вспыхивают огни. Они вспыхивают и сразу гаснут. В бледном свете самых первых зажёгшихся в небе звёзд Ляля видит тёмное бабушкино лицо с прищуренными глазами.

О чём она думает? Про крючки?.. Про гунтэри?.. Про невода?... Или, может быть, про папу, Лялю и деда Василия?..

Кто знает? Кто может сказать, о чём задумывается человек, когда он становится старым, как бабушка.

(Продолжение следует.)

ЗЕРНО

В. Донникова

Лежит у меня
На ладони зерно,
И зрелого соку
И солнца полно.

Земля ему
Влагу свою отдала
И мощью своей
До краёв налила.

В нём силы земные
До времени спят,
Но время придёт —
И они забурлят.

Набухнет зерно,
Прорастёт корешок,
Потянется к солнцу
Зелёный росток,

И колос, наполненный
Новым зерном,
Созреет в горячем
Дыханье земном.

Кто может ответить мне:
Сколько полей
Лежит на ладони
Раскрытой моей!!.

Твои помощники

Идёт урок истории. Учитель рассказывает о борьбе русских людей с польскими захватчиками, о том, как Козьма Минин снарядил боевое ополчение, которое под предводительством князя Пожарского подошло к Москве, осадило укрепившихся в Кремле поляков и изгнало их.

Вы слушаете, и вам хочется знать об этом времени. Вы раскрываете учебник, — но там этим событиям уделено мало места. Да и как же иначе? Ведь в учебнике около трёхсот страниц, а он должен рассказать вам историю начиная с древнейших времён. Поневоле материал в нём изложен сжато, коротко: сказано только самое главное, самое основное.

И вот тут на помощь приходит книга, верный друг и помощник, советчик и увлекательный рассказчик. Прочтите книгу В. Костылёва «Минин и Пожарский» — и строки учебника оживут, за ними раскроется большая, яркая картина. Книга расскажет вам об этих замечательных русских людях, о том, как они жили и воевали, как горячо любили свою родину.

Есть много и других исторических повестей и романов, которые помогут вам представить себе и понять давно минувшие события далёких от нас эпох.

В этом году вся наша страна отмечает 150-летие со дня рождения гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. С раннего детства вы знакомитесь с его сказками, стихами. Вы изучаете его творчество в школе. В пятом, шестом, седьмом классах вы проходите стихи Пушкина, «Сказку о мёртвой царевне», повести «Дубровский», «Капитанская дочка» и другие произведения. Но вы гораздо глубже поймёте всё многообразие творчества Пушкина, если прочитаете остальные произведения, познакомитесь с воспоминаниями о Пушкине и его современников. Тогда вы лучше сможете понять, каким действительно великим был Пушкин, вы

Для 5-го класса

БОТАНИКА

Верзилин Н. — По следам Робинзона. Детгиз. 1946.

Верзилин Н. — Лечебница в лесу. Детгиз. 1943.

Лебедев В. — Преобразователь природы. Детгиз. 1948.

Надеждина Н. — Чудеса на грядках. Детгиз. 1943.

Надеждина Н. — Полное лукошко. Детгиз. 1947.

Раковская Н. — Верные друзья. Детгиз. 1947.

ГЕОГРАФИЯ

Арманд Д. — Грозные силы. Детгиз. 1941.

Нечаев А. — Работа рек и ручьёв. Учпедгиз. 1939.

Чумаченко А. — Человек с луны. Детиздат. 1939.

ИСТОРИЯ

Ильин М. и Сегал Е. — Как человек стал великаном. Профиздат. 1948.

Лурье С. — Письмо греческого мальчика. Детиздат. 1941.

Успенский Л. — Двенадцать подвигов Геракла. Детиздат. 1938.

Успенский Л. — Золотое руно. Детиздат. 1941.

Кун Н. — Что рассказывали древние греки о своих богах и героях. Учпедгиз. 1940.

Книги помогают мне учиться

Физика — мой любимый предмет. Я занимаюсь в физическом кружке.

На одном из заседаний кружка я рассказал о великом русском учёном — изобретателе вольтовой дуги Петрове.

Кроме того я люблю книги Перельмана «Занимательная физика» и «Физика на каждом шагу». Но особенно в книгах меня интересуют рассказы и очерки о русских учёных — Ломоносове, Петрове, Попове, Яблочкине, Ладыгине, Бенардосе, Славянове, Столетове — и об их изобретениях.

Материалы из книг помогают мне в изучении физики. Я читаю также книги по географии, истории, химии.

Вадим Лишак,
ученик 7-го класса «Б» 204-й школы

яснее представите себе его эпоху, потому что Пушкин, как никто, умел рассказывать о своём времени ярко, образно, незабываемо. Так страницы, не вошедшие ни в учебник, ни в хрестоматию, сделают ваши знания живее и богаче, познакомят вас с тем, кого издавна по справедливости с любовью и гордостью называли «солнцем русской поэзии».

В пятом и шестом классах вы изучаете ботанику. А сколько нового и интересного вы сможете узнать из книги К. А. Тимирязева «Жизнь растений»! Замечательный учёный умел рассказывать о своей науке страстно и образно, увлекательно и серьёзно. Когда читаешь эту книгу Тимирязева, ощущаешь огромное желание знать ещё больше, шире, подробнее об окружающем нас чудесном зелёном мире.

О географии и говорить нечего: книги о Козлове, Пржевальском, Миклухо-Маклае, Седове, Арсеньеве, Афанасии Никитине и других великих путешественниках и исследователях заставят ожить географическую карту; условные обозначения превратятся в города, горы, леса, степи; перед вашими глазами раскроются неоглядные просторы и неисчислимые богатства нашей земли.

Здесь дан далеко не полный список книг для учеников 5-го и 6-го классов по ботанике, географии и истории.

Интересные книги вы можете найти по всем предметам, они помогут вам, если вы будете читать вдумчиво. Но, к сожалению, есть ребята, которые «глотают» книги, читают всё подряд, без разбора. Таким читателям книга пользы не принесёт.

Мне хочется дать вам несколько советов, как надо читать книги. Прежде всего заведите тетрадь и записывайте в неё фамилию автора, название и краткое содержание каждой прочитанной книги. Такая тетрадка всегда, даже через много времени, поможет вам оживить в памяти прочитанное.

Когда берёте в библиотеке ту или иную книгу, смотрите на год её издания и выбирайте наиболее позднее издание. Ведь наука всё время развивается, движется вперёд, многое, прежде неясное, непонятное, стало теперь понятным, многие явления получили новое, научно правильное объяснение.

И, конечно, выбирая книгу, всегда советуйтесь с учителями, библиотекарем и вожатым. Они помогут вам разобраться в прочитанном, так как не во всех книгах события освещены правильно. Вот почему так важно читать не всё, что попадёт под руку, а советуясь со старшими, прислушиваясь к ним, под их руководством. И тогда большой мир откроется перед вами. Книга шире раздвинет рамки урока и учебника, сделает ваши знания глубже и разностороннее.

Преподаватель истории НИКИТИНА Л. М.

Книга о нашей Родине

Я с большим интересом прочёл книгу Н. Н. Михайлова «Над картой Родины». Я получил много сведений по географии нашего Союза, узнал о новых культурах, которые выращивают теперь на Кавказе, о важнейших новых стройках, о Донбассе, Кузбассе, Караганде — важнейших угольных районах, о крупнейших металлургических заводах страны. Очень хорошо рассказано в книге о Средней Азии, о горном Урале. Важно, что автор поместил в книгу карты. Очень хороши карты Урала, Кузбасса, Турксиба, жалко только, что они маленького размера.

Эта книга мне очень нравится. Она даёт много дополнительного материала к учебнику. Я очень благодарен автору за его ценную и увлекательную книгу.

Юрий Мельник,
ученик 7-го класса «Б» 204-й школы.

Для 6-го класса

БОТАНИКА

Кожевников А. — По тундрам, лесам, степям и пустыням. Медгиз. 1939.

Меркульева К. — Покорение тундры. Детиздат. 1939.

Цингер А. — Занимательная ботаника. «Молодая гвардия». 1934.

Югов А. — К. А. Тимирязев. Жизнь и деятельность. Детиздат. 1936.

ГЕОГРАФИЯ

Арсеньев В. — Дерсу Узала. Детгиз. 1944.

Кунин К. — За три моря. Детгиз. 1947.

Кунин К. — Васко де Гама. «Молодая гвардия». 1947.

Миклухо-Маклай Н. — Путешествия. «Молодая гвардия». 1947.

Михайлов Н. — Над картой Родины. «Молодая гвардия». 1947.

Михайлов Н. — Наша страна. «Молодая гвардия». 1945.

Муратов М. — К далёким берегам. Детгиз. 1947.

Чечёткина О. — Индия без чудес. «Молодая гвардия». 1948.

ИСТОРИЯ

Джованьоли Р. — Спартак. «Молодая гвардия». 1947.

Песнь о Роланде. — Детгиз. 1943.

Скотт Вальтер. — Айвенго. Детиздат. 1937.

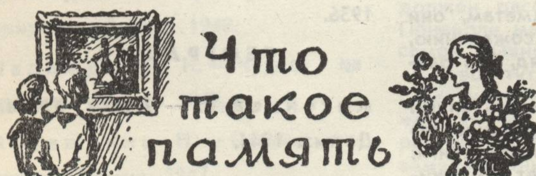
КАК НУЖНО ЗАНИМАТЬСЯ

Е. И. Игнатьев,
кандидат педагогических наук

Вы все, ребята, учитесь в школе. Каждый день вы узнаёте много нового, с каждым днём увеличиваются ваши знания. Многим из вас кажется, что учиться трудно. Ничего удивительного в этом нет: ученье — это труд.

Огромное значение для приобретения прочных знаний имеет память. У одних школьников она лучше, у других — хуже. Но, оказывается, даже самую плохую память можно развивать и совершенствовать, если заниматься правильно.

О том, как надо заниматься, чтобы приобрести прочные знания, мне и хочется поговорить сегодня с вами.

Когда мы слушаем музыку, рассматриваем картину, читаем книгу, ощущаем аромат цветка, — в этих процессах всегда участвуют наши органы чувств: глаза, уши, нос, язык, кожа — и определённые участки нашего мозга.

Луч света, попав в глаз, раздражает зрительный нерв. Это раздражение мгновенно передаётся по нервным волокнам в головной мозг и вызывает раздражение в определённом участке его, где и складывается представление об окружающем нас мире.

Всё, что мы узнаём, может быть надолго сохранено в кладовых нашего мозга. Но мозг не только сохраняет наши знания об окружающем мире, но и обладает способностью по нашему желанию восстанавливать эти знания. Грубое представление о том, как происходит в нашем мозгу этот процесс, может дать сравнение с механической записью звука на фонографе. Если вы произнесёте речь или споёте что-нибудь перед фонографом, на валике его останутся следы, которые позволят спустя долгое время воспроизвести совершенно точно речь или пение. Точно так же, как на валике фонографа сохраняются следы звуковых волн, в нашем мозгу запечатлеваются следы всех раздражений.

Вот почему мы можем совершенно ясно представить себе картины, виденные в музее или галлерее, припомнить слышанные ранее объяснения учителя в классе, повторить музыкальные произведения и т. д.

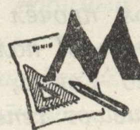
Если вы выполните какую-либо работу: построите модель или свяжете рукавичку, — то вы уже навсегда запомните, как делается модель или рукавичка, и сможете сделать их заново. Решив одну математическую задачу, вы легко решите и все задачи такого же типа.

Процесс запоминания, сохранения и последующего припоминания или узнавания того, с чем мы раньше знакомились, что мы переживали и делали, и называется памятью.

Представьте себе, что было бы с людьми, если бы они забыли всё, что они знали! Память сохраняет знания. А без знаний немыслима никакая плодотворная работа. Чем больше человек знает и умеет, тем большую пользу он сможет принести своему народу, своей Родине.

Как мы запоминаем

Мне пришлось наблюдать, как одна девочка готовила урок по истории. Она пять — шесть раз прочитала одну страницу учебника, потом столько же раз следующую страницу и т. д. В классе девочка гладко пересказала то, что было написано в учебнике, но не смогла ответить на самые простые вопросы учителя.

— Я лучше всё подряд расскажу, мне на вопросы отвечать трудно, — заявила она.

Это произошло потому, что девочка заучила урок механически, не вдумываясь и не вникая в содержание.

Бывают случаи, когда ученики, так же как и эта девочка, выучивают наизусть теоремы. Они бойко «доказывают» теорему на доске, но стоит учителю попросить их объяснить то, что написано, и они сразу теряются, потому что они ничего

не поняли в теоремах, у них нет настоящих знаний. И уж, конечно, такие ученики не смогут применить «доказанную» теорему к решению задач: ведь тут прежде всего требуется уменье рассуждать.

Прочные знания мы получаем при помощи глубокого продумывания. Наука говорит: «Что хорошо понято, то легко и надолго запоминается». Большинство хороших учеников придерживается такого правила: ничего не заучивай, пока не уяснил всё до конца.

Как они готовят уроки? Прежде всего припоминают объяснение учителя и стараются понять задачу, которую он поставил перед ними на уроке, уяснить все незнакомые слова и новые понятия, непонятные места.

В прочитанном материале они выделяют основное, главное и запоминают его в первую очередь, кратко записывают основное в тетради, составляют план урока, придумывают примеры и решают задачи на правила, выученные на уроке. Это уже не механический, а смысловой способ запоминания, который основан на понимании.

Очень важно связывать новый материал с тем, что выучили раньше, находить сходство и различие. Изучая, например, на уроках зоологии млекопитающих, хорошо сравнить их с другими животными, уже изученными вами раньше, найти, чем они похожи и чем отличаются друг от друга. Такие сравнения заставят вас глубже вдумываться в материал.

Если вы, изучая восстание рабов в Риме под руководством Спартака, сравните положение этих рабов с положением рабов в Греции и Египте и ясно представите себе черты сходства и различия, то это сравнение поможет вам понять и характерные признаки римского рабства и сущность социально-экономического строя, существовавшего в этих странах.

Связывайте то, что проходите в школе, с окружающей вас действительностью. Если вы запомните урок, хорошо его продумаете, то вы установите множество различных связей между новым и старым материалом, между тем, что вы изучаете, и современной жизнью, и это очень облегчит припоминание. То, что вы запомнили осмысленно, вы легко сможете применить в жизни.

Смысловое запоминание является наиболее разумным. Такому запоминанию и нужно учиться. Многие учащиеся затрачивают много времени на приготовление уроков. Часто они жалуются на плохую память, а на самом деле тут виновата вовсе не память, а сами ученики, потому что они не умеют правильно учить уроки.

Смысловое запоминание должно подкрепляться механическим: когда вы хорошо разобрались и хорошо продумали материал, прочитайте его несколько раз для лучшего запоминания, выпишите даты, названия, формулы и заучите их.

Секрет прочного запоминания

Перед своими учениками я однажды поставил такую задачу: одним ученикам я задал выучить стихотворение к завтрашнему дню, но сказал им, что потом спрашивать стихотворение больше не буду. Другую группу ребят я предупредил, что спрошу стихотворение через неделю и через месяц. Через два месяца я спросил это стихотворение. Те ребята, которые учили только к завтрашнему дню, забыли стихотворение совсем, а школьники, учившие «навсегда», могли прочесть его наизусть.

Если вы хотите иметь прочные знания, то учите уроки «навсегда», а не для того, чтобы только ответить учителю. Причём всегда учите уроки внимательно. Недаром говорят, что память и внимание—близнецы. Чем внимательнее вы учите, тем глубже и твёрже запоминаете. Есть, однако, и такие ребята, которые даже гордятся тем, что вот, мол, я только посмотрел в книгу—и уже всё знаю! А если проверить знания такого хвастунишки, особенно спустя некоторое время, то окажется, что толком он ничего не знает, а запомнил только отдельные мысли.

Очень мешает усвоению неряшливость в записях, зарисовках, которые вы делаете в классе и дома. Многие ребята аккуратно и без ошибок пишут в тех тетрадях, которые просматривает учитель, а в своих домашних тетрадях и блокнотах делают множество ошибок. А вы знаете, что ошибки в ваших черновых записях часто являются причиной ошибок и в ваших классных работах? Если вы повторили одну и ту же ошибку несколько раз, вы уже усвоили неправильное написание слова.

Часто ребята плохо запоминают потому, что они учат уроки под звуки радио или под громкие разговоры домашних.

Они выполняют сразу два дела: стараются читать учебник и слушают передачу или разговор. Но русская поговорка правильно утверждает: «За двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь». Так обычно и бывает в таких случаях.

Прочное запоминание материала требует от вас усилий воли.

Не жалейте усилий для того, чтобы все уроки учить «навсегда». Часто бывает так: разобрался человек в материале, прочёл его ещё раз и захлопнул книгу. Кажется, всё понял и запомнил, а

попробует он сам себе рассказать урок — и тут обнаружится, что многое ещё не усвоено. Поэтому возьмите себе за правило: всегда рассказывайте самому себе выученный урок. Не сможете толково рассказать, заставьте себя ещё раз прочитать материал и снова расскажите его. Так вы разовьёте у себя способность запоминать.

А как часто бывает, что хочется вам побегать, поиграть в футбол в то время, когда надо заниматься. И тогда вы обязательно должны сделать над собой усилие и сказать самому себе: «Не хочется заниматься, а я всё-таки пересилю себя».

Волевое усилие помогает бороться даже с усталостью. Бывает, что устал ученик, а уроки ещё не выучены. Приходится взять себя в руки, превозмочь усталость и заставить себя закончить работу.

Усталость, конечно, не всегда нужно преодолевать с помощью волевого усилия. Лучше всего через каждые 50 минут или час делать перерыв в занятиях на 10—15 минут, выйти на воздух или походить по комнате, немного побегать, но не следует играть в футбол или какие-нибудь другие игры, которые сильно утомляют физически. Некоторые ребята в перерыве играют в шахматы. Этого делать не следует: ведь шахматы— тоже умственная работа.

Совсем не безразлично, чем вы займётесь сразу же после заучивания. Вот, например, вы выучили стихотворение. Но если сразу же после этого вы станете решать трудные и сложные математические задачи, то стихотворение запомнится плохо. Нужно обязательно отдохнуть после заучивания (хотя бы несколько минут), и тогда стихи запомнятся прочно. Если вы после того, как заучили одно стихотворение, сразу же станете учить другое, вы плохо запомните оба стихотворения. Не надо учить один за другим сходные предметы.

Для того чтобы легче и быстрее усваивался материал, надо чередовать трудные и лёгкие предметы, начинать с трудных (математика, русский язык и т. д.) и переходить к более лёгким.

Далеко не всё из того, что мы однажды запомнили, навсегда сохраняется в нашей памяти. Многое мы забываем.

И тут на помощь нам приходит повторение. Знания, не закреплённые повторением, постепенно забываются. «Повторение—мать учения»,— говорит пословица.

Повторять выученное следует не тогда, когда оно уже забыто. Нужно просматривать и вспоминать пройденный материал в течение всего года, а не только перед самыми экзаменами.

Запомните:

адясь учить уроки, старайтесь сосредоточиться на этой работе, не отвлекайтесь посторонними вещами.

Старайтесь усвоить урок так, чтобы запомнить материал «навсегда», а не только к испытаниям или к экзаменам.

Начинайте приготовление уроков с самого трудного. Сначала постарайтесь возможно полнее припомнить рассказ учителя. Потом медленно и вдумчиво прочтите нужный раздел в учебнике и выделите основное и главное. Запишите основные вопросы в виде короткого плана. Потом прочтите ещё раз учебник. Большие разделы учебника, состоящие из самостоятельных глав, можно читать по частям, но никогда нельзя делить материал на случайные, не законченные по содержанию отрывки.

Если чувствуете, что урок уже выучен, проверьте себя. Закройте книгу и постарайтесь рассказать себе урок.

Выпишите даты в свою хронологическую таблицу.

Подумайте, как связан выученный вами урок с прошлым материалом. Вспомните, что вы ещё читали на эту тему или видели в кино и театре. Постарайтесь представить себе, где может пригодиться в жизни этот материал.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: картина Л. Голованова и Ю. Чернышёва „Школьница".

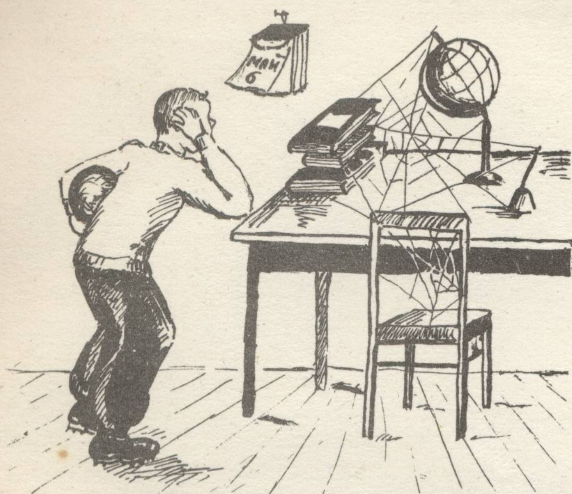
Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 18/IV — 49 г. Изд. № 306. 82×110. 1/16 бум. листа.

А 01043. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ № 747.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПРО ТЕХ, КТО ДЕЛО ЗАБЫВАЕТ, И ЧТО ОТ ЭТОГО БЫВАЕТ

Однажды Футболист домой явился,
Взглянул на календарь и удивился...
— Ну, — говорит, — беда!
Экзамен на носу! Вот это да!

Вот басня. А мораль ясна:
Таких, как он, не радует весна.

Она весь вечер прогадала,
А утром в правый башмачок
Вложила новый пятачок.
И уж никак не ожидала,
Что ей достанется билет,
Которого в шпаргалке нет.

Мы с другом заключили договор:
Не выучив урок, не выходить
во двор.
Вдруг слышу, он кричит:
— Чудак, опять мараешь!
Пасуй на край! Гаси!
Сапожник, как играешь?!

Нет спору: друг мой не был
во дворе,
Ну, а какой в том прок?
Он «проболел» весь день и не
учил урок.

Вот эти три карикатуры
Мы сделали, увы!.. с натуры...
А на четвёртой страшный зверь
Не нами выдуман, поверь!
Экзамен нам совсем не страшен,
Он так не нами разукрашен:
Таким он кажется тому,
Кто не готовился к нему.

Рисунки учениц 369-й школы Москвы, Лены и Бэллы Асковых и Инны Гараевой.

Цена 2 р. 50 к.

Пернатые друзья леса

1. Скворец. **2.** Зяблик. **3.** Славка-мельничек. **4.** Соловей. **5.** Иволга, **6.** Пеночка-трещётка. **7.** Горихвостка. **8.** Малиновка. **9.** Дрозд. **10.** Кукушка.